

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

БАНДА БЕСПАЛЫХ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Банда беспалых

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Банда беспалых / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2020 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-113124-1

Во время городского праздника убит крупный столичный чиновник. При осмотре оказалось, что у трупа отрезаны пальцы. Сыщики Гуров и Крячко предполагают, что убийство может быть ритуальным. Выяснилось, что такой же «почерк» был замечен и в ряде других похожих преступлений. Тогда жертвами стали различные асоциальные элементы. С тех пор, почуяв безнаказанность, убийцы пошли вразнос... Оперативникам удалось напасть на след преступников. Гуров уже готовил операцию захвата, когда из Москвы неожиданно поступила информация, которая повергла выдавшего виды опера в шок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113124-1

© Леонов Н. И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Банда беспалых	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Леонов

Банда беспалых

© Макеев А.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Банда беспалых

Глава 1

Отдыхать – не работать. Банальная истина, избитая фраза, но актуальности не теряет. Попробуйте найти человека, которому ни разу за всю жизнь не довелось ее произнести. Коллега суетится, собирает сумки, уезжая на курорт, а ты, провожая его в дальний путь, с тоской вздыхаешь: «Конечно, отдыхать – не работать». Или сам, пакуя чемоданы, бронируя билеты и изучая экскурсионные брошюры, слышишь за спиной завистливый шепот: «Ему-то что! Отдыхать – не работать». И ты не можешь с этим не согласиться. Отпуск – это добро, отдых – отрада. А работа? Что ж, работа... Без нее никуда.

Для отдыха каждый сам выбирает место. Кому-то комфортно на зарубежном курорте, где полный пансион, круглосуточное обслуживание и прочие блага цивилизации. Кому-то по душе лесные тропинки, ночлег в палатках, уха из котелка, и не важно, что ко всем перечисленным прелестям прилагаются комары, ядовитый плющ и туалетная под кустом. Многие вообще не желают менять привычную обстановку, предпочитая любым путешествиям любимое домашнее кресло, посиделки у телевизора в компании кота, пакета семечек и кружки горячего чая.

Есть и еще одна категория людей, перед которыми вопрос, где провести отпуск, вообще никогда не стоит. Почему? Да потому, что он решен окончательно, бесповоротно и изменению не подлежит еще в тот момент, когда обстоятельства вынудили их покинуть отчий дом и отправиться в большой мир пробивать себе дорогу в жизнь. Туда, где другие возможности, другие перспективы, другие деньги и потребности – одним словом, другая жизнь.

Почему эти люди, добившись всего, так и не могут смириться с потерей хлипенькой пятистенки с удобствами во дворе, вечным запахом навоза и самогонкой по праздникам где-нибудь в захудалой деревушке, где родились и провели первые двадцать лет жизни? Да потому, что там дом, там уют, особое тепло и детские воспоминания, от которых щемит в груди. Может ли что-то заменить эти воспоминания в огромном безликом железобетоне мегаполиса? Пожалуй, даже убежденный скептик не станет спорить на эту тему. Заменить тепло отчего дома не смогут никакие блага цивилизации.

Примерно так рассуждал мужчина средних лет, обычным августовским утром стоя у подъезда типовой пятиэтажки постройки периода брежневского правления. Выглядел он не самым лучшим образом. Волосы, обычно идеально разделенные ровным пробором и зализанные на две стороны так, чтобы волосок к волоску, сейчас торчали во все стороны, являя собой иллюстрацию к популярной детской шутке про «взрыв на макаронной фабрике». Кое-где в волосах застряли остатки пищи – всё те же пресловутые макароны, приправленные сыром.

Кожа на лице несла следы многодневной попойки: извилистые борозды прочертили лицо, под глазами образовались тяжелые алкогольные мешки. Старые потертые «спортивки» с отвисшими коленями и несвежая нательная майка, плюс запах застоявшегося перегара колорита мужской фигуре не добавляли. Трясущиеся пальцы с трудом удерживали дешевую «беломорину», кое-как донося ее до припухших губ.

И все же мужчина был счастлив, блаженное выражение лица говорило само за себя. К черту дорогой костюм в строгую узкую полоску! К черту тесный воротничок белоснежной сорочки, узкие кожаные туфли, купленные в баснословно дорогом магазине! К черту высокопоставленных друзей, встречи на высшем уровне и всю официозную дребедень, вместе взятую! Свободу – вот что означала занюханная пятиэтажка, друзья-собутельники, потребности которых могли удовлетворить дешевый портвейн и банка кильки из соседнего продуктового магазина. Возможность выйти к подъезду в четыре тридцать утра, когда первые солнечные лучи

неспешно отвоевывают территорию у сумрака ночи, закутить дедов «Беломор» и ни о чем не думать.

Не думать о том, что из-за угла соседнего здания выскочит хмырь с фотоаппаратом и твоя физия появится на просторах необъятного интернет-мира. В непотребном виде, разумеется. Не думать о том, что последняя рюмка, пожалуй, была лишней и твой язык развязался больше, чем нужно, там, где не следовало. Не надо контролировать каждый шаг, каждый вздох и каждое слово. Чем не свобода? И пусть он уже не мальчик и подобные привычки вроде как не красят, да и не по статусу. Плевать! Зато неделя отдыха в Калуге дает силы прожить целый год в бешеном ритме мегаполиса. А раз так, значит, пользы от странной слабости куда больше, чем вреда.

Лето в Калуге шикарное. На его вкус, разумеется. Воздух пахнет совершенно по-особенному: старыми крышками, пылью, железом и чем-то неопишимо сладким. Запах детства, запах беззаботности и всемогущества. В пять лет ты выскакиваешь из подъезда в одних трусах, мчишь по дороге к газетному киоску. Босые ноги утопают в пыли, потная ладошка сжимает монетку достоинством в три копейки, такова цена газеты «Правда», любимого издания отца. Пятки сверкают, бьют по упругому заду, пачкая трусы-«семейки». Плевать! Ведь у тебя миссия, ты бежишь за свежими новостями, чтобы вместе с завтраком отец мог насладиться изучением свежей прессы.

С наступлением отрочества новые развлечения: двухколесный «Школьник» ждет в коридоре. Украдкой, чтобы не побеспокоить мать, уснувшую лишь под утро, ты выкатываешь железного друга в подъезд, толкаешь два пролета вниз по ступеням, вскакиваешь на жесткое сиденье – и погнал! Ветер свистит в ушах, пятки соскальзывают с неудобных педалей. Плевать! Главное – ты едешь к друзьям, там жизнь бьет ключом, там радость и веселье. Такое, какое может быть только в детстве.

Новый виток, новый возраст, и удовольствия соответствующие. В шестнадцать ты тыришь у батки болгарские сигареты «Стюардесса», прячешь их в отвороты брюк и к вечеру выскальзываешь из дома, чтобы попасть в клуб «Космос» или на танцплощадку при Дворце культуры и отдыха. Там тебя поджидают дружки, а иной раз и девчонки. Вечер движется, и вот ты, как волшебник, извлекаешь из-за отворотов брюк заветные табачные палочки. В глазах друзей ты – шикарь. Не какая-то «Прима», или «Астра», или «беломорина», обмусоленная с бумажного конца. «Болгария» с фильтром. Такие не стыдно и девчатам предложить. Девчата не отказываются, жмутся, глупо хихикают, неловко зажимают сигарету в пальцах, неумело затягиваются, кашляют и заливаются смехом. А ты – король! Ты вызвал смех девчонок.

Папироса обожгла пальцы, он отшвырнул окурочку в сторону, потянулся. Эх, как же хорошо жить на свете! Прикрыл глаза, подставил лицо первым солнечным лучам. Почему-то на ум пришел дед. В потертом ватнике он стоял на пригорке и манил рукой. Ладонь раскрыта, но выглядит как-то странно. Что не так, понять никак не удастся, мысль ускользает, словно ловишь дым решетом. Ощущение радости начало испаряться, откуда-то сбоку на лицо напозла тень, закрыв собой солнце.

«Черт, ну чего им не спится? Рань ведь несусветная. Наверняка алкаши местные проснулись, сейчас деньги кланчить начнут...» До конца мысль сформироваться не успела, резкая боль пронзила область живота, и сразу стало холодно. Он открыл глаза, в которых читалось недоумение. Тень не исчезла, она и не могла исчезнуть, так как вовсе не тень это, а человеческая фигура.

– Какого черта? – выдохнул мужчина, прежде чем новый взрыв боли заставил его застывать. Он опустил глаза вниз. На животе расплзлось яркое кровавое пятно. – Что...

Задать свой вопрос он не успел. Вспышки боли обрушились на него, как снежная лавина. Живот, грудь, снова живот, область предплечья – тело буквально разрывало на части. Кровь уже не сочилась, она хлестала во все стороны, заливая асфальт, крыльцо и ноги, обутые в растоптанные тапки. Он увидел, как из живота начинают выпадать внутренности, потянулся

руками, пытаясь удержать их на месте. Кишки выскальзывали из рук, свисали гроздьями до колен, а он все пытался собрать их и вернуть в теплое нутро живота. Ладони покрылись густым слоем крови, но еще функционировали.

«Что это? Меня убивают? – взорвалась в голове мысль. – Не стой, не молчи! Нужно закричать, позвать на помощь. Да не стой ты столбом, кричи же!» А крик никак не хотел формироваться. Горло словно свинцом залили. Боль! Всею виной боль, это она не дает вдохнуть воздух и вытолкнуть из себя крик. «Ты умрешь, если не закричишь! – Остатки рационализма пытались пробиться сквозь пелену боли. – Кричи или сопротивляйся! Брось кишки, освободи руки и бей! Ты же можешь, когда-то мог...»

Кишки он не бросил, пальцы намертво вцепились в лохмотья, в которые превратилась кожа на животе. Рукам тоже досталось, они мешали точным ударам, загоразивая мягкую плоть, и с ними расправились так же безжалостно, как со всем остальным. Страшно не было, только странно. Почему он? Почему сейчас? А главное – почему молча? Почему они молчат, почему даже не матерятся? Только пыхтят от натуги, тупо выполняя монотонные движения: поднять нож, ударить, воткнуть по рукоять, вынуть и снова ударить.

Очередной удар пришелся по голове. Лезвие ножа скользнуло по черепу, снесло часть скальпа. Кожа упала на дорогу, волосами вверх. «Это кусочек тебя, – услужливо подсказала рациональная часть мозга. – Молчи дальше, и скоро весь асфальт будет усеян частями твоего тела. Вперемешку с окурками и чужими плевыми». Из раны на черепе потекла кровь, почти мгновенно залила один глаз. Он попытался оторвать руку, чтобы стереть кровавую пелену. Рука не слушалась. Мутная дурнота накатывала волнами, но каким-то непостижимым образом он все еще оставался жив.

Внезапно пальцы разжались. Только его это не обрадовало. На дорогу повалились ошметки плоти, сгустки крови, внутренности вновь повисли вдоль туловища, напоминая карикатурные картинки советских времен, где в гастрономическом отделе непременно висели ленты сосисок, накинута на железные крюки. Почему-то больше всего беспокоили именно кишки, обвисшие чуть не до земли. Руки снова зашевелились, собирая перламутровые колбаски в то, что осталось от брюшины. Но нет, туда им больше не вернуться, как ни старайся, сколько времени ни трудись. А сколько времени? Ему казалось, что прошла вечность, хотя на деле с момента нападения прошло не больше пяти минут.

– Похоже, я умираю, – поняв тщетность собственных попыток, прошептал мужчина. Руки обмякли, упали плетью вдоль туловища, ноги подкосились, и он рухнул на крыльцо. Собственный вес потянул дальше, тело скатилось со ступеней вниз, увлекая за собой кишечник. Какое-то время мозг жил, отдавая телу бессмысленные теперь команды, но тело слушалось, мужчина полз, подминая под себя кишки. Подальше от опасности, подальше от боли.

Дополз до газона, каким-то чудом перебрался через кустарник, уперся головой в ствол дерева. Казалось, препятствие его остановит, но нет, руки продолжали загребать землю, ноги толкали тело вперед. В какой-то момент кишечник зацепился за ветку низкорослого кустарника, тонкая ткань лопнула, вываливая на траву содержимое. «Боже, какая мерзость. Поздравляю, тебя найдут мертвым в куче твоих же фекалий». Это была последняя мысль мужчины. Мозг отключился, руки обмякли, из горла хлынула кровь, и он затих. Навсегда.

В отделении полиции по улице Веры Андрияновой стояла мертвая тишина. Сонная муха ползала по столу, с пониманием обходя стороной склоненную на руки голову дежурного по части, не нарушая тишину даже слабым жужжанием. Дежурный, сморенный летней жарой и бессонной ночью, под завязку заполненной суетой, беготней и проблемами, мирно спал. Да и как тут не уснуть? Любой на его месте вырубится после такой ночки.

Дежурство и правда «порадовало» всем, чем только может «порадовать» ночная смена в день проведения ежегодного городского праздника. И праздник-то не из шумных: собира-

лись садоводы и огородники, владельцы личных подсобных хозяйств и садоводческих обществ обменяться опытом и получить ежегодную награду. Не байкеры, не рокеры и даже не скотководы, для которых пьянки да драки обязательный отличительный признак. Название у праздника и то донельзя мирное – «Калуга урожайная»: разве станешь ждать подвоха от такого названия?

Но в этом году садоводы и огородники разгулялись. По количеству правонарушений обскакали всех: и фестиваль рок-музыкантов, месяц назад потрясший Калугу, и торжественное шествие байкеров, завершившееся неделю назад и прошедшее на удивление спокойно. Да что байкеры! Огородники, похоже, даже Хеллоуин обставили. В прошлом году в канун американо-американского, будь он неладен, праздника во всех отделах полиции «обезьянники» под завязку набили, но смертных случаев не зафиксировали.

Здесь же все началось еще до наступления темноты. Около двадцати одного часа из Центрального парка культуры и отдыха пришел вызов: трое нарушителей упились вусмерть и перепутали названия праздников. Был праздник огородников – стал праздник Нептуна. Они ловили прохожих, тащили их к фонтану и там купали со словами: «Чище тело – чище совесть». Дежурный на сигнал отреагировал в рабочем режиме. Бригаду на выезд собрали, спокойствие в парке восстановили. Нарушителей доставили в отдел, посадили под замок, отложив разбирательство до утра, как поступают всегда в случае задержания правонарушителей в нетрезвом виде.

Не успели стихнуть шаги выездной бригады, как поступил новый сигнал: на улице Академика Королева вандалы портят городское имущество. Звонивший так нервничал, так торопил дежурного и был настолько убедителен, что тот посчитал неуместным тратить время на выяснение подробностей. На этот раз, правда, передал информацию патрульным, благо патрулей в этот день в городе дежурило в достатке. Патруль по адресу выехал, прибыв на место, к зданию городского планетария, застал там шайку подростков, вооруженных баллонами с краской. Восьми-десятилетние пацаны самозабвенно разрисовывали белоснежные стены постерами на тему текущего праздника. Услышав сирену полицейских машин, пацанва бросилась врассыпную, поймать удалось только двоих. Их и привезли в отдел.

В срочном порядке вызвали инспектора по делам несовершеннолетних, а пока тот добирался до места, мальчишек сдали на попечение дежурному. Парнишки оказались не в меру шустрыми. Восмилетние сорванцы за тридцать минут умудрились довести дежурного до белого каления. Сперва они изобразили из себя сущих ангелочков, рассказали дежурному душеспасительную историю про старших товарищей, которые якобы убедили их, что делают они общественное дело, украшают город в честь праздника. Ведь картины на стенах куда лучше, чем скучные белые полотна? А рисуют они отменно, намного круче старших товарищей. Имена товарищей назвать, правда, отказались. Клички знаем – остальное нам знать не по статусу, и весь разговор.

Из их уст история звучала правдоподобно, дежурный и сам помнил, какими изобретательными могут быть старшеклассники и как легко покупаешься на лесть в восемь лет. Одним словом, мальчишкам он поверил, усадил в отдельном кабинете, дал бумагу и карандаши, чтобы не скучали, и вернулся на пост – текущие обязанности с него никто не снимал. Через пять минут, когда из-под двери кабинета повалил густой дым, он пожалел о том, что поддался обаянию сорванцов и не проверил их карманы.

Ворвавшись в комнату, дежурный увидел следующую картину: скамья, обитая искусственной кожей, вспорота, из нее выворочена старая слежавшаяся вата, а в центре комнаты стоит металлическая мусорная корзина, доверху набитая бумагой и добытой ватой, и весело пылает. Мальчишки стоят по обе стороны от корзины и завороченно смотрят на разгорающееся пламя. Едкий дым заполняет комнату с катастрофической скоростью, а им будто и дела до него нет.

Мальчишек из кабинета выдворили, огонь потушили, остатки прогоревшей бумаги отправили на задний двор. Открыли окна в кабинете, и на этом спасательные работы закончились. Дежурный, потеряв доверие к мелюзге, усадил их прямо на посту, за своей спиной, надеясь, что этого будет достаточно. Не тут-то было! Минут пять мальчишки выдержали, сидели как мышки, сопели носами и, как выяснилось позже, придумывали новый план. Какой план? Побега, конечно.

Спустя благословенные пять минут компьютер на столе дежурного вдруг резко погас, а с ним и вся пультовая система. Дежурный в недоумении начал щелкать по клавиатуре, дергать рычажки, пока не догадался проверить сетевой фильтр. Вилка, соединяющая электрический кабель с розеткой, сиротливо валялась на полу за стулом. Бросив гневный взгляд на пацанов, он молча полез под стул восстанавливать питание. Пока возился с тугой розеткой, парнишки сорвались с места, перевернули «на попа» скамью, перегородив дорогу к двери, и рванули прочь из дежурки.

Далеко убежать им не позволил случай. Именно в тот момент, когда им забрезжил луч свободы, входная дверь распахнулась, и в отделении появился патруль. В момент сообразив, что мальчишки решили дать деру, патруль безжалостно скрутил их и водворил на место. Дежурный, освободив дорогу, уже поджидал беглецов в дверях. Лекцию про недостойное поведение пришлось отложить до лучших времен, так как патруль в отдел явился не чаю попить.

С собой они пригнали троих нарушителей с Каменного моста, излюбленного места прогулок калужан. Эти трое, разумеется, в подпитии, решили устроить дополнительное развлечение, организовав соревнование, кто быстрее доберется до ручья, протекающего под мостом, используя в качестве лестницы одну из пятнадцати каменных арок, на которых стоит мост. Благо разумных отдыхающих на мосту оказалось больше, чем авантюристов, и патруль успел вовремя изолировать инициаторов безумной затеи.

Пока дежурный оформлял задержание правонарушителей с Каменного моста, он попутно успел принять еще три вызова с жалобами на хулиганское поведение отдыхающих в общественных местах и дважды приструнить мальчишек, так и норовивших напасть посочнее, так что приезд инспектора по делам несовершеннолетних был воспринят как избавление от незаслуженного наказания. Сдав школьников с рук на руки инспектору, дежурный вздохнул свободно, но... свобода длилась от силы минут двадцать. Дальше работа повалила без остановки: звонки, вызов бригады, переадресация правонарушения патрулю, оформление задержанных, снова звонки, сообщение о членовредительстве, затем о покушении на убийство, вызов оперативной группы, следом ОМОНа для очистки территории парка от митингующих, разжигающих межнациональную рознь. И так по кругу, по кругу, по кругу, вплоть до шести утра.

Нет, до без четверти шесть. Крайняя запись в регистрационный журнал занесена как раз в пять сорок пять. После этого судьба смиростивилась над дежурным и послала ему короткий перерыв. Подарок он воспринял с благодарностью, свалился на стул, пристроил голову на руки и тут же захрапел. Дежурный по своему опыту знал, что фортуна – баба капризная, изменит в пять секунд, так что ее подарками нужно пользоваться, не откладывая, пока настроение у бабы не переменялось.

Как и предполагалось, относительный покой продлился пятнадцать минут. Ровно в шесть дверь отдела полиции распахнулась, и в дежурку ввалился полуголый мужик. Он перешагнул порог и начал озираться по сторонам в поисках того, кто мог оказать ему помощь. Волосы у мужика торчали во все стороны, с них на плечи стекала ручьями вода. Лицо при этом покрывал толстый слой чего-то маслянистого, отчего он стал похож на киношного спецназовца в боевой раскраске. Глаза покраснели от долгих возлияний, густой перегар подтверждал происхождение сетки лопнувших капилляров лучше любого алкотестера.

– Эй, люди! Сюда! – неуверенно произнес мужик. – Беда пришла в наш дом!

Голос прозвучал чуть слышно, но чуткое ухо дежурного звук уловило. Он поднял голову, сфокусировал взгляд на посетителе и чуть не выругался вслух. «Зараза, притащило его на мою голову. Ради такого идиота сна лишился», – раздраженно подумал дежурный, но со стула поднялся, прочистил горло и спросил вошедшего:

– Чего шумим?

– О, слава аллаху, вы на месте! – Облегчение в голосе полуголого мужчины заставило смутиться недовольного дежурного. – Как же я рад, вы себе даже не представляете!

– Не могу ответить тем же, – машинально пошутил дежурный и тут же перешел на официальный тон: – Дежурный по подразделению старший лейтенант Иванов, слушаю вас, гражданин.

Мужик покосился на двери кабинетов, просматривающиеся с холла, затем перевел взгляд на лейтенанта и спросил:

– Иванов? Вы шутите?

– Гражданин, вы заявление делать будете или до вечера так простоите? – Старший лейтенант привык к тому, что типы вроде полуголого мужика воспринимают его фамилию как карикатурную насмешку. Он и сам считал, что для сотрудника полиции хуже Иванова может быть только фамилия Анискин, но все равно каждый раз раздражался, когда этаким типом пытался шутить на тему его фамилии.

– А нет никого рангом повыше? – снова задал вопрос мужик.

– Чем вас не устраивает звание старшего лейтенанта? – Иванов утомленно закатил глаза. «Всякий раз одно и то же, и когда я уже капитана получу?» – Или вы желаете открыть государственную тайну? Тогда вам не сюда, а в ФСБ.

– Тайну? Нет, тайны тут никакой нет, – скорбно вздохнул мужик. – Какая уж тут тайна, когда кишки по всему двору?

– Кишки? О чем вы? – насторожился дежурный.

Только тут он по-настоящему обратил внимание на внешний вид мужика. Серая футболка помимо масляных и застарелых грязных пятен несла на себе следы пятен красноватого цвета. Эти пятна явно замывали, причем не так давно. Руки мужик отмыл, но красные дорожки на локтях остались. Дежурный вытянул шею, заглянул ему за спину: так и есть – кровавый след от стоптанного ботинка у порога.

– Говорю же, кишки по всему двору, – как попугай повторил мужик и вдруг всхлипнул: – Эх, такого человека не стало!

– Та-а-к... Допрыгался... – протянул дежурный и вдруг гаркнул во все горло: – А ну, лицом к стене, руки в гору!

Вместе с окриком он выскочил из пульта, на ходу вдавив кнопку тревоги, подбежал к мужику и уверенным движением заломил ему руки за спину. Тот и охнуть не успел, как оказался впечатанным в стену с руками, скрученными над головой, и ногами, раздвинутыми на ширину плеч.

– Эй, полегче, малый! – с опозданием взвился он. – Я добровольно пришел, а ты тут гестапо устраиваешь.

– Добровольно – это хорошо, – кивнул дежурный и быстро произвел досмотр на предмет оружия и запрещенных предметов, прохлопав все части тела визитера. – Вот сейчас мы тебя оформим, как положено, и ты начнешь добровольно рассказывать, кого завалил, где и за что.

– Я?! Я завалил?! Да ты в своем уме, лейтенант? Произвол! Беспредел! Правду говорят: добрые дела боком выходят!

На крики дежурного и посетителя в холл прибежали парни из дежурной бригады для выездов. Двое оперативников, следователь и криминалист выстроились полукругом за спиной лейтенанта, отрезая задержанному путь к отступлению на случай, если тот вздумает бежать.

– Проблемы, лейтенант? – спросил следователь.

– Похоже на то, – ответил Иванов и, защелкнув наручники на запястьях мужика, повел его в допросную. – Тут случай как раз в вашей юрисдикции. Этот тип кого-то завалил.

– Так сразу и завалил?

– Сам посмотри: одежда и обувь в крови, на локтях кровавые потеки. Отмывался, гад! – безразлично поморщился лейтенант.

– Никого я не убивал, – снова взвился мужик. – Выслушайте хоть сперва, люди вы или кто?

– Шагай шибче. – Лейтенант подтолкнул мужика в спину, придав тому скорости. – Сначала разберемся, кто ты.

– Ладно, лейтенант, расслабься, – похлопал дежурного по плечу следователь. – Иди отдохни. Ночка была та еще, с этим типом мы сами разберемся.

Дежурный был рад сдать мужика следаку, тем самым сняв с себя ответственность за его регистрацию и прочие формальности. Он довел задержанного до допросной, открыл дверь, втолкнул того внутрь и посторонился. Два опера и следователь вошли в комнату, закрыли за собой дверь. Криминалист покачал головой и отправился обратно в комнату отдыха; здесь ему пока делать было нечего.

Иванов вернулся на пост. Сейчас он немного сожалел, что не может присутствовать при допросе. Сон слетел, а любопытство разыгралось, но оставить пост он не мог. Оставалось гадать, чем удивит следак и оперов полуголый мужик. Действительно ли он кого-то убил, и кровь ли на одежде и обуви или банальная краска? Громкое ли дело принес он в отдел или это так, «пустышка»? Ответы на все эти вопросы дежурный мог получить теперь только после окончания допроса.

А в допросной следователь уже начал свою работу. Мужика усадили на стул, наручники снимать не спешили. Окружили стул с трех сторон и начали засыпать вопросами:

– Кто такой? Имя, фамилия? Возраст? Где проживаете?

– Человек я, Сифаров Даниил. – Мужик только успевал вертеть головой, отвечая на них. – Лет сколько? Да хрен ее знает, вроде пятьдесят два. Погоди, посчитать надо. Нет, пятьдесят четыре. В январе отмечали. Точно, пятьдесят четыре. Живу где? Да на Баррикадной, сто пятьдесят седьмой дом. Где магазин «Пятерочка». Оттуда и прибежал.

– С кем живешь? На какие средства? Работа есть? Откуда пятна на обуви?

– Один живу, с кем еще жить? Мать померла два года назад, отец еще раньше загнулся. Рак у него был. Мы с матерью ухаживали, потом похоронили.

– Не отвлекайся, отвечай по существу.

– Я по существу и отвечаю. – Мужик перестал крутить головой – все равно всех взглядом не охватишь. – На что живу? Шабашу помаленьку. Раньше мать пенсию получала плюс мои «шабашки». Хватало.

– Чем промышляешь?

– Электрик я; кому проводку провести, счетчик или розетки поменять. Я ведь раньше классным спецом был, пятая группа электробезопасности, специалист шестого разряда. Во всех крупных организациях города поработать успел.

– Чего ж теперь сдулся?

– Водка. – Ответ прозвучал кратко и обыденно, ни сожаления, ни раскаяния в голосе.

– Спился, значит?

– Ага, спился, – кивнул Сифаров.

– Так откуда кровь на подошве? – повторил вопрос следователь.

– Вляпался. – Сифаров с сожалением взглянул на стоптанные ботинки. – Там этой кровищи столько было, не обойти. Я ведь думал, он жив еще, помочь хотел. Какое там! Кровью метров десять залило, а кишки по кустам развешаны. Я как кишки увидел, только тогда и понял – все, хана Ореху!

– Дерево, значит, пожалел? – осуждающе спросил один из оперов.

– Какое дерево? – не понял Сифаров.

– Орех, – повторил опер. – Сам же сказал.

– А, вы вон про что! Да не дерево это, а человек. Кличка такая, прозвище детское. Как в школе прозвали, так и прилипло. – Сифаров улыбнулся, но лишь на мгновение, лицо почти сразу приняло скорбное выражение. – Разве стал бы я дерево жалеть, когда человек без кишок на земле валяется?

– Гражданин Сифаров, вы заявляете, что по улице Баррикадной у дома номер сто пятьдесят семь вами обнаружен труп человека? – Следователь весь подтянулся, от ответа Сифарова зависели его дальнейшие действия.

– Так и есть, – подтвердил Сифаров. – Лежит.

– Парни, эксперта в зубы – и бегом! – через плечо отдал приказ следователь. – Я здесь закончу и присоединюсь.

Оперативники молча вышли из комнаты, следователь дождался, пока за ними закроется дверь, и продолжил допрос:

– Сейчас, гражданин Сифаров, вы подробно расскажете, при каких обстоятельствах обнаружили труп. Максимально подробно, это вам ясно?

Сифаров кивнул. Остатки хмеля постепенно выветривались, и до него начало доходить, что произошло в его родном дворе. В половине шестого утра Сифаров проснулся в квартире соседа, где накануне у них с друзьями происходила грандиозная попойка. Если быть точным, гудели приятели целых шесть дней. Для такой продолжительной гулянки повод был весьма уважительный. Друг детства приехал в отпуск, как не отметить? Он и протавлялся, чему остальные участники пьянки были весьма рады.

Подняться в такую рань Сифарова заставил пресловутый «сушняк», пить хотелось почти так же сильно, как помочиться. Осуществив обе процедуры, он прошелся по комнатам – друг занимал «четырешку», так что разгуляться было где. В каждой комнате на диване или на кровати спали участники попойки, недоставало только самого хозяина. Сифаров заглянул в холодильник: полки зияли пустотой. Подумав, что хозяин вознамерился пополнить запасы еды и питья, чтобы достойно продолжить гулянку, он решил сделать доброе дело, встретить хозяина у подъезда и помочь донести пакеты.

Спустился вниз, вышел на крыльцо и отшатнулся. Даже с пьяных глаз он сразу понял, что крыльцо залито не вишневым вареньем. Огромная красная лужа, размером с крышку от «КамАЗа», не может быть ничем иным, только кровью. Свежей кровью. «Вот ведь мать твою! – выругался Сифаров. – Теперь ментов нагонят, не оттянешься по-человечески». В тот момент он и не предполагал, что беда приключилась не со случайным прохожим, а с хозяином хаты, другом детства Андрюхой по кличке Орех.

Сифаров старательно обошел лужу, спустился с крыльца. От крыльца широкий кровавый след шел к кустам, огораживающим придомовой газон. Туда он и направился. Успел сделать шагов шесть, когда увидел, что возле березы лежит тело. Потертые трико друга узнал сразу. Малиновый трикотаж ярким пятном выделялся на зеленой траве. Не раздумывая, Сифаров ломанулся через кусты, схватил руку друга, потряс:

– Орех, ты чего тут развалился? – Поняв, что вопрос прозвучал глупо, он спросил: – Прости, друг, тебе плохо, да? Ничего, ты потерпи, я сейчас «Скорую» вызову.

А когда перевернул тело, вязкий ком подкатил к горлу. Резкий запах фекалий, вскрытая брюшная полость и вид разорванного кишечника чуть не заставили его потерять остатки вчерашней закуски. С трудом подавив приступ рвоты, он отполз назад, отвернулся, несколько раз втянул воздух в легкие и снова вернулся к другу. Тело еще не остыло, рука, за которую Сифаров тряс, даже не начала коченеть. До него дошло, что Ореха убили совсем недавно, практически перед его, Сифарова, появлением. Его прошиб холодный пот. Что, если убийца где-то рядом?

Что, если сейчас он нападет и на него? А жить ему хотелось, очень хотелось. Пару секунд он оставался на месте, после чего вскочил и рванул обратно через кусты. Куда? Да без разницы, лишь бы подальше от этого опасного места. Забежав за дом, он почему-то вдруг успокоился. Может, решил, что, раз погони за ним нет, значит, убийца ушел раньше. Сифаров остановился, прислонился спиной к стене дома. Колени тряслись так, что он едва удерживался на ногах. Руки дрожали, к горлу снова подступила тошнота. Опустив глаза вниз, он увидел, что майка запачкана кровью, а руки... на них вообще лучше было не смотреть. Как у мясника в разгар смены, по локоть в крови.

Сифаров вспомнил, что чуть дальше за домом стоит бочка из-под мазута. Откуда она взялась, никто толком не знал, но стояла она здесь уже пару лет. Каждое лето набиралась дождевой водой, чем время от времени пользовались местные пацаны. Наберут в бутылки грязной жижи и поливают прохожих. Те матерятся, пытаются поймать мальчишек, а им только того и надо: ржут, как очумелые, и в гаражах прячутся. Вернуться в квартиру окровавленным Сифаров не мог. Почему? Сам не знал, понимал только, что в таком виде ему нигде показываться не стоит.

Он кое-как поднялся, доковылял до бочки. Заглянул внутрь, воды оказалось едва ли треть объема. Зачерпнул первую пригоршню – мутная вязкая жижа испачкала ладони, изменив цвет крови. Разогнав масляные пятна, принялся отмывать руки. «К черту всё! Всё к черту!» – мысленно повторял Сифаров, старательно натирая ладони. Затем очередь дошла до майки. Он стянул ее с тела, окунул в бочку и тер до тех пор, пока не решил, что этого достаточно. Надев майку, почувствовал жуткую слабость, вот-вот потеряет сознание. Двумя пригоршнями загреб воду, вылил на голову. Вода потекла по длинным несвежим волосам, освежая сознание. Повторил процедуру несколько раз, пока не уверился, что обморок ему уже не грозит.

Отмывшись, снова сел на асфальт, оперся спиной о стену и задумался. Что произошло? Кто мог так жестоко разделаться с Орехом? И что теперь делать ему, Сифарову? Ответ казался очевидным: нужно идти в полицию. Но как? Он ведь весь в крови друга! Как пить дать, сразу его загребут, даже минуту на размышления не потратят. Нет, с Орехом так не поступят. Он ведь не какой-то там бомж с подворотни, его убийцу наверняка станут искать. «Надо идти, – принял решение Сифаров. – Друга в беде бросать нельзя, пусть и мертвого. До участка недалеко, если напрямки, так совсем рядом. Дойду, а там будь что будет». Он поднялся, дошел до перекрестка, свернул в переулок и быстрым шагом направился к отделению полиции.

Глава 2

Автомобиль «Рено» бодрым темпом катил по трассе Е-101. Путь лежал через Наро-Фоминск, Обнинск и дальше, почти двести верст от столицы. За рулем сидел полковник Лев Гуров, его напарник Стас Крячко дремал на заднем сиденье. Минувшую ночь ему пришлось провести в круглосуточной стоматологической клинике, зуб «мудрости» в очередной раз устроил ночной фейерверк. Утром он с трудом разлепил глаза, чтобы не опоздать на службу, и теперь, пользуясь возможностью, добирал часы, которые не удалось доспать ночью. Гуров его не беспокоил. Зачем? Вводная, полученная на планерке, оказалась настолько скудна, что и обсуждать нечего, а болтать о погоде не было настроения.

Рабочая неделя началась не самым лучшим образом. Не успел Гуров перешагнуть порог Главного управления на родной Петровке, как подскочил дежурный и заявил, что генерал Орлов срочно ждет его и Крячко у себя в кабинете. «Срочно» на языке генерал-лейтенанта значит именно срочно. Лев даже в кабинет заходить не стал, сразу поднялся к Орлову. Тот пребывал в раздраженном состоянии, пробурчал приветствие, отчитал за отсутствие напарника, ткнул пальцем в сторону дивана и велел ждать.

Пока ждали Крячко, генерал присутствия Гурова словно не замечал. Сидел в своем генеральском кресле и копался в бумагах, всем своим видом показывая, что занят неотложными делами. Повезло еще, что Крячко не опоздал, явился ровно в восемь ноль-ноль. Орлов демонстративно взглянул на часы, хмыкнул и сообщил наконец причину столь срочного вызова. Ни Гурова, ни Крячко сообщение не обрадовало. По окончании инструктажа, который длился от силы минут пять, на лицах полковников появилось точно такое же выражение, какое раньше было на лице генерала: ну почему всякое дерьмо вечно достается нам? Ворчать, возражать, а уж тем более спорить не стал ни тот, ни другой. Козырнули и откланялись.

Спустя десять минут машина Гурова выехала со стоянки в направлении Калуги, куда в срочном порядке отправил оперов генерал. Суть проблемы заключалась в следующем: в городе произошло убийство, циничное по своей жестокости, но совершенно банальное. Небанальным было то, что убитый являлся лицом, представляющим власть, и это в корне все меняло.

Будь то простой смертный, калужская полиция и не подумала бы дергать московских коллег; в рабочем порядке провели бы следственно-розыскные мероприятия, собрали улики, составили список подозреваемых, в общем, занимались бы обычной работой. Здесь же дело совсем иное. Шутка ли, на их земле «замочили» начальника Управления по связям с органами законодательной и исполнительной власти Правительства Москвы. Кому охота держать отчет перед всеми мыслимыми и немыслимыми «шишками» столицы? Уж лучше сразу вызвать «тяжелую артиллерию» в лице оперов-важняков с Петровки, пусть они и отдуваются.

Несправедливо? Еще бы! Сам факт необходимости работать на чужой земле – ни в какие ворота, а уж контроль, который наверняка устроят высокопоставленные начальники погибшего, вообще всю охоту заниматься расследованием отобьет. Хорошо еще, если ребята на выезд толковые ездили, есть надежда, что улики собрали грамотно и опрос свидетелей успели провести. Но надежды на это мало. Опыт подсказывал, что всю грязную работу местные оставили столичным операм.

Судя по вводной, рассчитывать на удачу не приходилось. Все, что на текущий момент было известно Гурову, – это факт убийства гражданина Орехова Андрея Васильевича, пятидесяти четырех лет, уроженца Калуги. Убили начальника управления прямо возле подъезда отчего дома, куда он, по словам соседа-алкаша, приехал отдохнуть от трудов праведных. Неизвестное лицо (или группа лиц) напало на управленца в промежутке с пяти до пяти тридцати утра. Что Орехову понадобилось во дворе в столь ранний час, предстояло выяснить, а вот тридцать восемь ножевых ранений – факт подтвержденный.

«Тридцать восемь раз воткнуть и вынуть нож из тела! Представить сложно, что осталось от убитого, – размышлял Гуров. – И сколько времени на это понадобилось? Если даже по десять секунд на удар, получается шесть ударов в минуту. Больше шести минут кололи. Это ж настоящие мясники». Иметь дело с отбросами общества полиции не привыкать, и все же некоторые случаи заставляли содрогнуться даже выдавших виды оперов. Гуров подозревал, что случай Орехова окажется как раз таким.

Свернув с Киевского шоссе, он миновал населенный пункт Мызги, притормозил у обочины и начал терзать Крячко:

– Вставай, лежебока, до Калуги меньше тридцати километров осталось.

– Отстань, Гуров, – спросонья недовольно стряхнул руку друга со своего плеча Стас. – Дай поспать, завтра поговорим.

– Просыпайся, это тебе не постоянный двор, – продолжал Лев трясти напарника. – Рабочий день в разгаре.

– Черт, так спать охота... – Крячко открыл глаза, приподнял голову. – Где мы?

– Под Калугой. Разгуливайся давай. Как я тебя коллегам предьявлять буду таким заспанным?

– Проклятье! А мне такой сон хороший снился. – Стас потянулся на сиденье, поправил взъерошенные волосы. – Я в шикарном отеле, на шелковых простынях, а рядом...

– Хорошо заливать, – усмехнулся Лев. – Умойся, ловелас, в багажнике канистра с водой.

Крячко выскользнул из салона, открыл багажник, покопался с минуту, достал канистру и приступил к водным процедурам. Через пять минут перед Гуровым предстал совсем другой человек. Лицо, посвежевшее после сна, волосы чуть влажные, рубашка аккуратно заправлена в брюки.

– Расческа есть?

– В бардачке посмотри, – ответил Лев. – А вообще, нужно свою иметь.

– Своей каждый дурак воспользоваться может. – Крячко выудил из бардачка расческу, привел в порядок волосы, энергично дунул на зубья, сдувая волосы.

– Хватит время тянуть, поехали, – поторопил его Гуров. – Местные наверняка уже в нетерпении.

Насчет местных правоохранителей он не ошибся. Не успел припарковать машину возле отдела, как на крыльцо выскочил долговязый парень лет двадцати семи. Одежда по форме, лейтенантские погоны сверкают на солнце, а сам буквально излучает нетерпение. Дождавшись, когда Гуров и Крячко выйдут из машины, он вскинул руку к фуражке и бодро отчеканил:

– Здравия желаю, товарищи полковники! Старший лейтенант Иванов, дежурный по части. Проходите, товарищи полковники, товарищ капитан вас ждет.

– Во как! Одной фразой обошелся, – пошутил Крячко. – И капитан, говоришь, ждет. Тоже неплохо. Что ж он не вышел?

– Со свидетелем работает. – Иванов сделал вид, что не заметил поддевки в вопросе полковника. – Мне приказано встретить вас и провести в его кабинет.

– Раз приказано – веди, – продолжал подтрунивать Крячко. – Чаем не велели напоить?

– Никак нет, но могу организовать.

– Отставить чай, лейтенант. Полковник Крячко шутит, – сдерживая улыбку, проговорил Гуров. – Достаточно и встречи.

Он первым поднялся на крыльцо. Лейтенант открыл перед гостями дверь, дождался, пока те войдут в холл, и только после этого вошел сам. Провел их в кабинет следователя, произнес дежурную фразу, чтобы располагались, и убежал. Спустя минуту в кабинет вошел мужчина постарше, тоже в форме и при погонах. Следователь, а это был он, выглядел изможденным: волосы несвежие, сосульками свисают на лоб, лицо осунувшееся, под глазами круги, рука, протянутая для приветствия, слегка дрожала.

– Здравия желаю. Капитан Игольников. Я веду дело Орехова. – Голос Игольникова звучал хрипловато.

Гуров пожал руку, представился сам, затем представил Крячко. Пока обменивались рукопожатиями, Лев рассматривал потенциального помощника. «Вроде молодой, от лейтенанта далеко не ушел, а выглядит так, будто его катком переехали, причем не один раз. Кто его так измочалил?» – размышлял он про себя. Более непосредственный Крячко раздумывать и предполагать не стал, а, по обыкновению, задал вопрос в лоб:

– Плохо выглядишь, капитан. Бурная ночь или сложности на службе?

– Вторые сутки не сплю, – честно признался Игольников. – Позапрошлой ночью заступил на дежурство, потом этот алкаш в дежурке, а дальше закрутилось. Домой и на час съездить не удалось.

– Значит, информацию получим из первых рук. Для тебя минус – для нас плюс. – Крячко придвинул капитану стул. – Садись, капитан, рассказывай.

– У меня человек в допросной, – замялся Игольников. – Может, я вам папку с рапортами и протоколами оставлю, вы пока ознакомитесь, а я с человеком закончу?

– Что за человек? – вступил в беседу Гуров. – По нашему делу?

– Так точно, у меня приказ: все силы на поимку убийцы господина Орехова, – с плохо скрываемым раздражением произнес капитан.

– Это не всегда плохо, – подбодрил Гуров. – В конце концов, расследование проводить так и так нужно, так что разница невелика. Кто в допросной-то?

– Свидетель. Вроде как свидетель, – поправился Игольников. – По мне, так очередной порожняк, но опросить придется.

– Давайте поступим так: вы человечка своего придержите. Пусть посидит, подумает, – предложил Гуров. – Вам часок отдыха не повредит, пока мы бумаги изучаем. Потом вместе с ним побеседуем, чтобы дважды по одному кругу не ходить.

– Хорошо, так и сделаем, – не стал возражать Игольников и выложил перед полковником папку. – Вот все, что удалось собрать за сутки. Признаться честно, материала много, но по большей части вода. Свидетелей как таковых нет. Представляете? Совсем нет. Мужика во дворе жилого дома на фарш разделили, и никто ничего не слышал. Понять не могу, как такое возможно, но это факт. Мы с ребятами весь дом опросили, может, с десятков жильцов не сумели выловить, а все впустую.

– Не паникуй, капитан, разберемся, – подбодрил Крячко. – Действительно, иди отдохни, а то толку от тебя сейчас, что от комара. По себе знаю, как с недосыпом работать.

Игольников ушел. Гуров положил папку так, чтобы было удобно читать сразу двоим, и открыл первый лист. Вместо привычных «Дата, место, имя» на пустом листе лежала стопка фотоснимков. На верхнем изображена панорама двора пятиэтажного дома, где произошло убийство.

– Жуть какая! Кровищи, как на скотобойне! – присвистнул Стас.

– А ты чего ожидал? Скотобойня и есть, только освежевали не бычка, а человека.

– Остальные снимки и смотреть страшно. – Противореча своим же словам, Крячко начал неспешно перелистывать фотоснимки. Долистав до последнего, вздохнул и протянул:

– Да, зрелище не для слабонервных. Это как же нужно кому-то насолить, чтобы с тобой такое сотворили? – Мог и насолить, не дворником работал, – напомнил Лев.

– Скорее всего, укурки постарались. Обдолбались наркотой и решили повеселиться, – выдвинул свою версию Крячко. – Таких найти проще. Местных участковых подтянем, они нам списки претендентов быстро составят, а там как по маслу пойдет.

– Как знать, – задумчиво протянул Лев. – Давай для начала материал изучим, а уже потом выводы и предположения делать начнем.

На изучение материала ушло гораздо больше часа. Как и предупреждал Игольников, особо важных сведений в папке набралось немного, хоть работу калужские опера провели серьезную. Самым конкретным оказался, пожалуй, допрос заявителя. Гражданин Сифаров, сообщивший в полицию об убийстве Орехова, шел по делу главным свидетелем. Наверняка следователь мечтал о том, чтобы записать его в главные подозреваемые, но эксперты-криминалисты эту идею зарубили на корню. Даже тот факт, что Сифаров перед визитом в отделение смывал с себя кровь, не помог.

О том, что Орехов является сотрудником Правительства Москвы, в органах узнали не сразу. Мозг Сифарова, затуманенный алкоголем, содержал минимум информации. Все, что он мог сказать, это то, что бывший одноклассник Андрюха, по кличке Орех, работает в столице какой-то крупной «шишкой». Следователю пришлось навести справки, чтобы выяснить истинное положение дел. Результат сразу все осложнил; говоря другими словами, заставил работать совсем в другом темпе.

Опрос жильцов дома не дал ровным счетом ничего, и это было странно. По логике вещей, Орехов должен был орать на весь квартал. Эксперты установили, что ни один удар сам по себе не являлся смертельным. Ему не проткнули сердце, оно не остановилось от боли, его не хватил удар. И все же в совокупности ножевые ранения привели к смерти. Предположить, что Орехов стоял и молча наблюдал за тем, как его убивают, казалось невозможным. Но, по всей видимости, так и случилось.

Место, где нашли труп, находилось в десяти метрах от крыльца, где, собственно, все и началось. До газона Орехов добрался самостоятельно, об этом свидетельствовали следы на асфальте, в низкорослом кустарнике, через который он перебрался, и на газоне. Жильцы же ничего не слышали. Даже те, окна которых выходят непосредственно на газон. И это было непонятно.

Еще один непонятный факт: с торца дома располагается продуктовый магазин, и работает он двадцать четыре на семь. Несмотря на то что магазин находится как раз с того же конца дома, что и подъезд Орехова, продавцы никакого шума не зафиксировали. Покупателей с пяти до шести, со слов продавцов, у них тоже не было. Как по заказу. Владельцам автомашин, припаркованных на ночь во дворе дома, также в этот период их транспортные средства не понадобились, и на работу никто не выезжал.

Слабая надежда на камеры наружного наблюдения, установленные над крыльцом магазинчика, торгующего алкоголем, не оправдалась. Стоять-то они стояли, но скорее для острастки алкашей, чем для пользы дела. С полгода назад система вышла из строя, и хозяин магазина решил не заморачиваться ее починкой. Установил мигающий индикатор от простого аккумулятора и успокоился. Камеры стоят, индикатор моргает – хулиганы и пьяницы обходят магазин стороной.

Следующие пять страниц показали, что на притоны наркоманов и антисоциальных элементов надеяться тоже не стоит. За истекшие сутки участковые успели прошерстить большую часть притонов, но следов «мясников» с улицы Баррикадной пока не нашли. Сведения из областных отделений поступить не успели, и рассчитывать можно было только на них.

Но самый главный «сюрприз» ждал полковников на дне папки. Результаты осмотра тела патологоанатомом почему-то отправили в самый конец. Сперва отчет шел привычным порядком: описание возраста, пола, расовой принадлежности и прочие стандартные параметры. Затем патологоанатом начал описывать повреждения, нанесенные ножевыми ударами. Большая их часть пришлась на брюшную полость, ее убийцы буквально разворотили, изрезав вдоль и поперек, отчего из брюшной полости выпали все внутренние органы, которые, в свою очередь, были повреждены новыми ударами.

И вот, когда Гуров собирался уже отложить отчет в сторону, на глаза ему попала строчка, где черным по белому было прописано: средние фаланги пальцев правой и левой рук

отделены от кисти вместе с кожей и мышцами. Действие произведено острым предметом типа садового секатора, о чем свидетельствуют следы на оставшейся части мышц и кожи.

– Ты это видел? – поднял он глаза на Крячко.

– Про пальцы? Вижу, – ответил Стас. – Совсем у нариков крыша поехала.

– Боюсь, все не так просто, как хотелось бы... – начал было Лев, но напарник тут же остановил его:

– Да погоди ты страсти наводить! Подумаешь, пальцы отрезали. Пошутили так. Фильмов насмотрелись, решили свое «кино» снять. С картинками.

Гуров перевернул лист с отчетом патологоанатома, проверил тыльную сторону, затем начал перебирать предыдущие листы.

– Что ищем? – спросил Крячко, наблюдая за его действиями.

– Отчет о пальцах, – коротко бросил Лев, не отрываясь от своего занятия. – Должен быть осмотр отчлененных пальцев и соответствующий отчет. Ты его видишь?

– Может, забыли приложить. Посчитали это несущественным и не стали прописывать в отчете. Как могут выглядеть отрезанные пальцы? Как отрезанные пальцы, и ничего более.

– Ты уверен, что они их нашли?

– Хочешь сказать, убийцы унесли пальцы с собой? В качестве сувенира? – нахмурился Стас. Подобный поворот переводил дело в другую плоскость. Это уже не случайное нападение обкуренных или упившихся идиотов, это уже нечто из разряда психических расстройств. – Только этого нам не хватало, чтобы в городе серийные маньяки организовались.

– Или унесли в качестве доказательства выполненной работы, – ответил на его вопрос Гуров, быстро листая снимки. – Смотри, и на фотографиях отдельно фаланги пальцев не представлены. Тут вообще нет снимков ладоней, будто местные криминалисты решили умолчать о данном факте.

– Может, и хотели. Сам понимаешь, на что это похоже.

– Понимаю. Придется задавать Игольникову неудобные вопросы, – вздохнул Лев.

– Не торопись с выводами, Лева, может, еще не все так плохо. Подумаешь, пальцы отрезали.

– Секатором садовым. Так и вижу, как современные наркоманы по улицам разгуливают и секаторы в карманах носят. Просто для прикола.

– Разберемся, – проговорил Крячко и пошел разыскивать капитана.

Спустя десять минут он вернулся вместе с Игольниковым. Лицо у капитана было заспанным. Взглянув на разбросанные по столу бумаги, он потер лицо и присел на свободный стул.

– Ознакомились?

– Досконально изучили, – ответил Гуров.

– В связи с чем возникли вопросы, – добавил Крячко. – Например, насчет отрезанных пальчиков. В рапортах оперативной бригады, выезжавшей на место преступления, об этом ни слова.

– Понимаю, – помедлив, начал Игольников. – Только напрасно вы думаете, что мы об этом добровольно умолчали. Изначально, когда еще не было известно, кем именно является жертва, таков был приказ свыше.

– Так что там с пальцами? – Гурова не интересовали внутренние разногласия начальства и подчиненных.

– На месте преступления их не обнаружили.

– Отлично. Выходит, убийцы унесли их с собой?

– Выходит так, – кивнул Игольников.

– Какие меры предприняты по их поиску?

– Стандартные, – ответил капитан. – Проверили двор, прилегающие территории, подвальное помещение. Следов отчлененных частей тела Орехова не обнаружено.

– На этом и остановились? – уточнил Гуров.

– Да их давно уже собаки сожрали. И что прикажете делать? Вспарывать животы всех бродячих собак? – вспыхнул Игольников.

– Не стоит кипятиться, – примиряющим тоном произнес Крячко. – Коллега просто интересуется процедурой поиска. Вполне вероятно, что их действительно утащили собаки, в связи с чем вспарывать животы никому не нужно. Просто внести информацию о проведенных розыскных мероприятиях и об их результатах в дело. Так будет проще и вам, и нам.

– Свидетеля пойдем опрашивать? – перевел тему Игольников. Он все еще злился, но далее выставлять напоказ свои эмоции посчитал неуместным.

– Пойдем, – охотно согласился Стас. – Что хоть за свидетель?

– Алкаш местный. Живет в гараже в соседнем дворе. Там была обнаружена кровь, по характеристикам совпадающая с кровью убитого. В незначительных количествах, но все же это зацепка. Сивуха, так все зовут алкаша, ее и обнаружил. Пришел в отдел, мы выслали группу экспертов, потом его на беседу пригласили. Только с ним начали, и вы приехали.

– Где он сейчас?

– В комнате отдыха, наслаждается столовской пищей и халявным телевидением, – улыбнулся капитан. – Ради телевизора и согласился подождать.

Сивуха представлял собой типичного пьяницу, без стабильной работы, социальных обязательств и особых запросов, но не пропойцу, у которого ни стыда, ни совести не осталось. Простой тихий пьяница. Единственное, что отличало его от лиц без определенного места жительства, это то, что жилье у него все же имелось. Своеобразное, удобствами не обремененное, зато есть крыша, постель и электричество. Электричество, разумеется, ворованное, но это уже детали. В усеченном варианте личного жилья Сивуха мог не только укрыться от дождя и снега, он мог приготовить настоящую, горячую пищу, помыться, устроить постирушку и даже пригласить гостей.

На пропитание Сивуха зарабатывал в зависимости от сезона. Летом грибами и ягодами, иногда овощами с огородов трудолюбивых дачников и фермерских посевов. Наберет ведро грибов или огурцов, отнесет на рынок, а то и прямо в собственном дворе торговлю организует. Деньги тут же несет в «алкашку», как ласково называли винно-водочный магазин, и те ему раз в сутки дешевое пойло выдают, пока кредит не иссякнет. На руках деньги Сивуха оставлять не любил, боялся лишнего перебрать, а потом печенкой маяться.

В зимнее время по дворам снег чистил: какому хозяину самому лень лопатой махать, зовет Сивуху. Или дрова колот, на растопку баньки. Тоже в зимнее время дело прибыльное. По понятиям пьяницы, конечно. Еще на рыбалку ходил. Пойдет на реку, дождется, когда лунка после местного рыбака освободится, и садится рыбачить. Как ни странно, клев у Сивухи шел всегда, несмотря на то что вместо крутой удочки он использовал обрубок от клюшки, примотав изолентой к изогнутому концу старенькую леску. У местных рыбаков даже примета сложилась: если в лунке удочка Сивухи побывала, жди хорошего клева. Некоторые особо суеверные рыбаки специально его на свои лунки заманивали. Этим и жил.

Про обнаруженную кровь Сивуха рассказывал с видимым отвращением, но не увиливал, не торопился, вел рассказ обстоятельно, с подробностями. Как выяснилось, покойный Орехов в свои ежегодные набеги в Калугу частенько угощал Сивуху доброй выпивкой. Коньяков, разумеется, не покупал, а любимый Сивухин «Кагор» крымского изготовления в виде презента подносил. Тот его, как дети шоколад, смаковал, пил по рюмочке, для вкуса. Вот поэтому Сивуха в отделение и пришел, отдать долг покойному.

Кровь он обнаружил случайно, когда нужду справить вышел. Туалета на территории гаражного массива не имелось, да и массивом горстку гаражей в количестве двадцати-тридцати штук трудно было назвать. Большая часть гаражей стояла заброшенной, но некоторые владельцы упорно цеплялись за традицию, бывшую популярной в советские времена, и каждый

выходной приходили в гараж покопаться в движке давно отслужившей свой срок машинешки. Благодаря им в гаражах все еще работало освещение, а официальные власти все откладывали снос заброшенных строений.

В тот день в гаражах было особое оживление, почти все из постоянных пришли отметить, вот Сивухе и пришлось в дальний край идти. Если бы просто отлить, так он бы и не стал утруждаться поиском места, а тут живот прихватило. Не станешь же портки сбрасывать при всем честном народе? Почти дошел до нужного заброшенного гаража, да глаза вниз опустил и увидел кровь. Тонкая линия, как след от трассирующей пули, вела куда-то в сторону посадок. К тому времени Сивуха о смерти Орехова уже слышал, поэтому сразу предположил, что этой дорогой убийца мог уйти. Наскоро справив нужду, он побежал в отделение.

Выехавшая по вызову бригада обнаружила следующее: кровавый след доходил до узкого прохода через крайние гаражи и там обрывался. Пару капель и смазанный след от ботинка нашли чуть дальше в посадках. Что-либо объяснить находка не помогла, но не игнорировать же сигнал. Теперь же задачей Игольников являлось освежить память гражданина Сивухи.

В комнате отдыха, куда капитан привел полковников, Сивуха чувствовал себя как дома: развалившись на диване, он потягивал чай из бумажного стакана и щелкал пультом, направив его на экран телевизора. Передачи сменяли одна другую со скоростью игрового автомата, выдающего мелочь. При таком темпе зафиксировать тематику каналов было нереально, но Сивуха успевал еще и комментировать увиденное.

– Вот засранцы, снова все леса у них погорят, пока расчихаются, – бурчал он себе под нос. – А ты-то куда вылезла? Рожа страшная, как у дохлой кобылы, а туда же, в модели лезешь. Ну, тут снова копеечные побрякушки по цене золота втюхивают. Фу на вас, и секунды слушать не хочу, пустобрехи проклятые. О! А вот это уже интереснее! Шведский автопром снова удивляет.

– Бросай пульт, Алексей Анатольевич, отдых закончился, – входя, отдал команду Игольников.

– Фу! Какая пошлость, – Сивуха сморщился, точно мокрицу проглотил. – Гражданин капитан, мы же договорились! Я – Сивуха, вы – капитан, и никаких подначек.

– Ладно-ладно, не ершишь, надо же мне было тебя старшим по званию представить, – миролюбиво заметил Игольников. – Люди из самой Москвы приехали, по кличке обращаться как-то несолидно.

– А по мне, так в самый раз. Раз уж прилипло, никуда от этого не деться. Вот у вас, гражданин из Москвы, была в детстве кличка?

Вопрос был обращен к Стасу Крячко. Тот усмехнулся, покачал головой, но ответил:

– Кличка была, как без нее? Только моя кличка там, в детстве, и осталась.

– И что, даже школьные приятели не вспоминают по старой привычке?

– Даже школьные.

– Ни за что не поверю! Уж кто-нибудь, хоть говнюк какой, а должен старую кличку на белый свет из глубин памяти при встрече с вами извлекать.

– А ты, брат, психолог, – рассмеялся Стас.

– Есть маленько, – довольно заулыбался Сивуха.

– Тогда ответь мне, психолог, как так вышло, что у тебя во дворе безобразия творятся, а ты ни сном ни духом?

– Так я это, перебрал в тот день чуток. – Выражение лица Сивухи стало виноватым. – За здоровье Ореха и перебрал. Знать бы, что с ним такое случится, оставил бы бутылочку про запас.

– Гараж, где незаконно проживает гражданин Вершков, расположен во дворе дома по улице Баррикадной и отстоит от места происхождения на расстоянии порядка пятидесяти метров, – для полной ясности описал ситуацию Игольников.

– Да какие пятьдесят? Метров сто, не меньше, да еще и наискосок, – поправил его Сивуха. – Двор просматривается не весь, деревья мешают и горки на детской площадке. Вот с осени до весны – другое дело, там деревьев нет, сразу пусто становится. Тогда ореховский подъезд прям с гаража видно, а летом нет. Летом только часть дороги от подъезда.

– Ладно, не видели, что утром происходило, попытайтесь вспомнить то, что видели накануне или после происшествия, – предложил Гуров.

– Это как? – не понял Сивуха.

– Для начала скажите, когда видели Орехова в последний раз.

– Он ко мне в обед подходил, – без запинки ответил Сивуха. – Вернее, мы в магазине встретились. Он кое-что для друзей подкупить вышел. Ну, жвачки там, запивон.

– И алкоголь?

– Разумеется. Я до кассы уж дойти успел, когда он в магазин ввалился. Меня увидел, головой так качнул, мол, сюда иди. Ну, я подошел. Он меня по всем отделам протащил, все пытал, что мне для полного счастья не хватает. А я что, – дурной от подарков отказываться? Пусть, думаю, потешится, дело доброе сделает. А я ему за это машину отмою так, чтоб блестела, как у кота...

– Давай ближе к делу, – перебил его Игольников. – Любишь ты, Сивуха, длинные истории.

– А за что их не любить? Поболтать всегда приятно.

– Когда покупки делали, ничего подозрительного не заметили? – Гуров снова вернул разговор в нужное русло.

– Подозрительного? А чего может быть подозрительного в магазине? Прилавки, жвачка да продавец, – пожал плечами Сивуха.

– Может быть, вам показалось, что за Ореховым кто-то наблюдает или конфликт у него произошел с кем-то из покупателей?

– Не было там покупателей, кроме нас. Он, я да девки-продавщицы, одна в зале, другая на кассе.

– Из магазина вместе вышли?

– Вместе. Я Ореху сумки до подъезда донести помог. Не подумайте, он не требовал, я сам вызвался.

– Пока к подъезду шли, тоже ничего странного не происходило?

– Ничего, – ответил Сивуха. – И в подъезде вроде ничего. Я на крыльце стоял, пока дверь не закрылась. Передыхал. Потом к себе пошел.

Гуров видел, что старается Сивуха изо всех сил, но эффекта от его стараний совершенно никакого. «Значит, действительно ничего не видел. Может, на месте что-то вспомнит? Нам все равно ехать двор осматривать, почему не сейчас?»

– Не будете возражать, если мы с вами до Баррикадной прокатимся? Покажете нам двор, место, где следы крови обнаружили, – задал вопрос Гуров.

– До дома на колесах? Кто ж от такого откажется? – обрадовался Сивуха. – А капитан отпустит?

– Отпустит, – ответил Игольников и на вопрос свидетеля, и на немой вопрос в глазах полковника. – Бумаги подпишешь позже.

– Тогда поехали, что ли? – спросил Сивуха и первым вышел из кабинета.

Во двор Игольников не пошел, попрощался с полковниками у поста дежурного, пообещал звонить, если появятся новые данные, и заверил, что к шести вечера гостям будет обеспечено комфортабельное жилье. Гуров пожал капитану руку и вышел. Крячко и Сивуха ждали у машины. Дождавшись, когда все усядутся, Лев завел двигатель, и машина выехала с парковки.

Глава 3

Вторые сутки подряд полковник Гуров сидел в городском архиве МВД, щелкал мышью, просматривая оцифрованные уголовные дела, перелистывал страницы дел, которые так и не дождались оцифровки. Крячко сменил его на этом посту всего на пару часов, после чего заявил, что «на земле» при общении с живыми людьми пользы от него будет куда больше. С этим Гуров был согласен, поэтому и не стал возражать. В настоящий момент полковник Крячко занимался тем, что, заручившись поддержкой Сивухи, обходил калужские притоны в поисках новых сведений.

Появление Гурова в архиве было обусловлено цепочкой обстоятельств, которая возникла после посещения места преступления. Сивуха, хоть и старался вовсю, особой помощи оперативникам на месте оказать не сумел, но в продвижение расследования свою лепту внести ему все же удалось. Прибыв на место, он развил бурную деятельность: бегал по двору, тыкая пальцем во все, по его мнению, значимые места, показал оперативникам дорогу через гаражи, где им была обнаружена кровь, по поводу и без повода останавливал прохожих, докучая им бесполезными вопросами. Продолжалось это до тех пор, пока утомленный суетой Крячко в приказном порядке не заставил его остановиться.

Сивуха искренне удивился негодованию полковника, он ведь полагал, что действует как настоящий профессионал в сфере расследования кровавых преступлений, не зря же он уйму фильмов про милицию пересмотрел. Пришлось Стасу потратить время, чтобы убедить Сивуху в обратном. После этого дело пошло лучше. Отвечать на вопросы тот умел, и спустя сорок минут выдал операм то, чего они ожидали от него с самого начала.

В городской обстановке он ориентировался отменно, особенно в ее криминальной составляющей. Список притонов, где собирались отбросы калужского общества, Крячко предусмотрительно захватил с собой. Сивуха же добавил к этому списку значительное количество зланных мест, на которые, по его мнению, стоило обратить внимание. В этих местах собирались люди не сидевшие, далекие от тюремной романтики и уголовных законов. Бывшие военные, по разным причинам потерявшие работу и жилье. Приезжие, в том числе гастарбайтеры, в городе осевшие, но работой так себя и не обременившие. Пьяницы, пропившие хорошее жилье и выселенные шустрыми риелторами на задворки города. Одним словом, маргиналы во всех своих проявлениях.

Знал Сивуха и так называемые уголовные «малины», но эти места уже были проверены до Гурова и Крячко, так что начинать «хождение по мукам» было решено с тех мест, где калужские оперативники еще не были. Крячко намеревался распрощаться с назойливым свидетелем во дворе ореховского дома, и тут Сивуха проявил поистине чудеса настойчивости. Он так яростно убеждал полковников, что без его помощи в подобных местах им успеха не добиться, так расхваливал свои способности вызывать на откровенность любого из вышеперечисленной категории индивидов, что заставил сдаться даже Крячко.

В первом же притоне Сивуха доказал, что слово его не расходится с делом. После тридцати минут «интеллектуальной» беседы с парнями, живущими у старого кладбища, Гуров и Крячко получили весьма ценную информацию, с которой начал раскручиваться сложный клубок, приведший Гурова в архив. Получить информацию помог литр «красненькой», так что и в этом отношении участие Сивухи оказалось незаменимым, так как пить дешевое вино у полковников особого желания не возникло.

Контингент здесь подобрался довольно спокойный. Может, Сивуха намеренно выбрал этот дом первым, чтобы охоту возить его по старым друзьям не отбить, а может, и правда считал, что от компании с кладбища пользы будет больше всего. Так или иначе, но, несмотря на скудость обстановки и явную привязанность компании к «зеленому змию», обращались здесь

друг к другу уважительно и по имени. На гостей реагировали спокойно, Сивуху встретили как родного. Гостинцу в виде дешевого пойла обрадовались, и как только расселись вокруг стола и приняли по первому стакану, на незнакомцев и вовсе перестали обращать внимание.

Речь о Ванечке Косыгине завел самый молодой из жильцов развалюхи у кладбища, сорокалетний узбек по имени Азиз. Вспомнил он о нем после того, как Сивуха поделился деталями убийства Андрея Орехова. Эта тема сразу стала ключевой в разговоре. Слухи и сплетни по городу расползлись за пару часов, история моментально обросла множеством кровавых, а порой и мистических подробностей, и присутствующим хотелось выяснить, что из всего услышанного соответствует действительности, а что – откровенный треп.

Сначала никто не понял, с чего это Азизу на память Ванечка пришел, уж больно издавна тот начал. Сперва вспомнил, как ловко Ванечка умел бабок на базаре на закуску разводить: подойдет, пару-тройку баек расскажет, одной замшелой старушке комплимент по поводу внешности отвесит, у другой ботинки похвалит, мол, по моде обустраивается, у третьей сходство с популярной актрисой отыщет. Не историей, так лестью зацепит, а после, вроде как невзначай, огурчики похвалит или запахом пирожков восхитится, старушки и растают. Надают Ванечке полны руки, ешь, мол, не жалко. Тот закусь в общий котел, и все довольны.

Потом к похоронам Ванечки перешел, вернее, к их отсутствию. Жалко, говорит, что похоронить его некому было. Могилки у Ванечки нет, а то бы он, Азиз, наверняка к нему захаживал. Хороший был человек Ванечка, душевный. Поди разберись, за что такая смерть страшная его постигла. После этих слов до Сивухи дошло, куда Азиз клонит. Он аж стакан из рук выпустил, так расстроился, что сам про Ванечку не вспомнил. Заикаться начал, все спешил вперед Азиза полковникам объяснить, чего ради речь о Ванечке зашла.

Оказалось, участь у Косыгина не завиднее ореховской. До своей злополучной смерти Ванечка Косыгин считался чем-то вроде «переходящего красного знамени» в среде маргиналов, потому что постоянного ночлега не имел. К какой группе прибудет, там и ночует. Недельку у одних погостит, месяц у других перекантуется, обжиться не успеет, глядишь, дальше пошел. Как ни странно, принимали Ванечку везде. Хоть в уголовной компании, хоть в группе опустившихся интеллигентов, хоть в притоне наркоманов он всегда был желанным гостем.

Год назад, также по летней поре, случилось Ванечке заночевать недалеко от Турынинских Двориков, место есть такое в Калуге, недалеко от очистных сооружений и турбинного завода. Там, у заводского причала, нашел себе симпатичное местечко, бросил полудошку на землю – вот и временное пристанище. Почему там? Кто теперь разберет... Может, ностальгия привела. Ванечка помнил времена, когда жизнь здесь была ключом: с причала на баржи грузили турбины, по Оке до самого Алексина курсировали мощный катер «Луч» и его меньший брат, ласково прозванный причальными работниками «мальком», и народу всегда валом. Теперь оба катера доживали свой век на приколе, ржавея от времени и ненужности, а народ рассосался, подыскав места более денежные.

Из охраны на базе только две собаки и остались. Умные, правда, собаки. Они Ванечку и нашли, и людей к нему привели, а уж люди полицию вызвали. Полиция приехала к обеду следующего дня. Задержались не из лени, а так уж сложились обстоятельства. Пока собаки Ванечкину окровавленную полудошку в жилой сектор притащили, пока прохожие на оборванный предмет, торчащий из пасти пса, внимание обратили, пока активист нашелся, которому не лень стало за собаками к причалу ковылять, полдня и прошло. А полиция что? Как сигнал поступил – так и выехали.

Ни Сивуха, ни Азиз, ни другие члены компании тела Ванечкиного не видели, но по слухам, что ходили в то время по городу, представляли смерть Косыгина событием из ряда вон выходящим. Если Орехову досталось тридцать восемь ножевых ран, то Косыгину – вдвое больше. Сплетники говорили, что исполосовали Ванечку так, точно на ленточки разделить

намеревались. На теле ни одного места нетронутым не оставили, даже пятки искромсали. А уж что с руками сотворили – про то и вспоминать страшно. Все десять пальцев откромсали, часть на дороге бросили, а часть с собой забрали. Будь собаки с причала чуть подурнее, ничегошеньки от Ванечки не осталось бы, все до косточек псы бы обглодали.

Отрезанные пальцы и неоправданно большое количество ножевых ран не только Азиза аналогии между смертями Орехова и Косыгина провести заставили. Услышав про пальцы, Гуров принялся выпрашивать подробности. Дату вспомнили с трудом, да и то неточно. Может, в конце июля, может, в начале августа. Плюс-минус, в одном сошлись все – время теплое было. Места, где до смерти Ванечка появлялся чаще всего, перечислили без труда, а вот сказать, кого из бывших приятелей найти реально, а кого уже след простыл, не смогли.

Сведения, добытые таким оригинальным способом, требовали проверки. В первую очередь следовало выяснить, было ли заведено уголовное дело по факту убийства Косыгина, и, в случае положительного результата, пообщаться со следователем, который вел дело. Этим и занялись полковники, покинув притон.

В Андрияновском отделе про дело Ванечки вспомнили с большим трудом. Во-первых, потому что территориально оно относилось к другому району, во-вторых, потому что шумихи вокруг него не поднимали. Как ни цинично это звучит, смерть бомжа на первые полосы газет обычно не попадает, даже если совершено оно с особой жестокостью. Продолжения не последовало – и слава богу.

По этой же причине расследованием убийства Косыгина занимался стажер из Рязани, курировал стажера следователь, которому до пенсии оставалось дослужить неполный месяц. Как выяснилось, заслуженным отдыхом следователь наслаждался недолго, вскоре после выхода на пенсию он умер. Правда, и возраст его к тому моменту был весьма преклонный. Ввиду кончины следователя помощи ждать оставалось только от стажера.

Отыскать новоиспеченного лейтенанта оказалось не так просто. Стажировка его закончилась три месяца назад, впечатления на начальство он не произвел, вследствие чего остаться для работы на постоянной основе ему никто не предложил, несмотря на то что вакансия имела. Лейтенант уехал обратно в Рязань и в ближайшем будущем возвращения в Калугу не планировал.

И все же Гурову с ним встретиться удалось. В отделе кадров он разжился номером мобильного телефона стажера, дозвонился до него и обрисовал ситуацию. К счастью, в Рязань ехать не пришлось, так как в настоящее время лейтенант гостил у друзей в Туле. Ну а от Калуги до Тулы рукой подать. Полтора часа – и беседа со стажером состоялась.

Парнишка оказался весьма посредственных способностей. Дело Косыгина помнил плохо, хоть и было оно для него первым, и времени с момента проведения расследования прошло немного. Количество ножевых ранений он подтвердил, отсутствие пальцев тоже, но вот что касается улики с места преступления, опроса свидетелей и прочих деталей – полный ноль. Даже номер дела не вспомнил. Пришлось возвращаться в Калугу ни с чем.

После посещения Тулы Крячко начал бузить, что зря они, мол, время на Ванечку тратят, и по большому счету Гуров был с ним согласен, но, будучи человеком педантичным, отмахнуться от этого дела уже не мог. «Есть здесь связь или нет, а дело нужно изучить, – твердил он напарнику. – Вот исключим совпадения, тогда и успокоимся». А как их исключишь, если все участники следственно-розыскных мероприятий по факту оказались бесполезными, а дело Косыгина, за неимением подозреваемых, отправили в архив?

Пришлось поднапрячь капитана Игольников. Тот связался с приятелем из соседнего отдела и буквально вынудил его оказать содействие столичным операм. Так Гуров и Крячко попали к криминалисту, который год назад производил осмотр места происшествия у причала турбинного завода, а через него вышли на патологоанатома. Поначалу криминалист особой охоты делиться информацией не проявил, но тут уж Крячко пустил в ход все свои способно-

сти договариваться с людьми. В итоге довольно полный отчет по делу Ванечки Косыгина был получен.

Смерть Ванечки наступила в результате множественных проникающих ран острым режущим предметом, предположительно кухонным ножом. Большая часть ран, как и в случае с Ореховым, пришлась на брюшную полость, но далеко не все. Рассказы о том, как Ванечке исполосовали тело вплоть до пяток, оказались преувеличением, а вот насчет пальцев почти не приврали.

Фаланги пальцев рук отсутствовали полностью, только отрезаны они были всё тем же режущим предметом. Точнее сказать, по словам эксперта, ножей было как минимум три, из чего можно было сделать вывод, что убийц тоже было не меньше трех. Часть пальцев действительно нашли на месте преступления, не досчитались двух мизинцев и одного среднего пальца. Но утверждать, что убийцы унесли их с собой, криминалист не брался.

В момент смерти Ванечка был трезв, остаточные следы алкоголя в крови зафиксировал патологоанатом, но в незначительном количестве. Остатков пищи в пищевode и кишечнике также не наблюдалось. Следовательно, Косыгин с убийцами не выпивал и не закусывал, а это означало, что убийцы – люди со стороны, Ванечке не знакомые. Еще тогда, год назад, эксперт обратил на это внимание старого следователя. По его мнению, искать преступников среди городских маргиналов смысла не было. Следователь с ним согласился и в отчете написал, что у причала действовали так называемые «гастролеры». Приехали из соседней области, напакостили и отчалили.

И тут на связь вышел генерал Орлов. Гуров честно доложил ему все как есть, включая историю с Ванечкой. Он не ожидал, что генерал так зацепится за совпадения в делах Орехова и Косыгина. Сам Лев еще не успел окончательно определиться, связаны ли между собой эти преступления, Орлов же за идею ухватился крепко. По его мнению, иначе и быть не могло. Чтобы в одном городе дважды было совершено идентичное преступление и разными людьми? Быть такого не может! «Копай, Лева, – приказал генерал. – Что хочешь делай, а убийц Косыгина и Орехова мне найди».

Вот тогда Гурову и пришлось обратиться в архив, а там дело приняло совсем уж неожиданный поворот. Такой, какого он и сам не ожидал. И снова произошло это по чистой случайности, а вернее, по лености стажера. Приехав в архив, Гуров начал с того, что ввел поисковый запрос по делу Косыгина. Поиск по номерам ничего не дал, пришлось искать вручную. И пока он просматривал дела годичной давности, ему на глаза попало еще одно дело об убийстве бомжа, только на этот раз не в Калуге, а в Пскове.

Псковское дело как под копирку повторяло дело Ванечки. Шестдесят четыре раны, пальцы рук отсутствуют, а главное, на месте преступления не обнаружены два мизинца и средний палец. Сама жертва – типичный маргинал, бывший военный летчик, списанный в запас из-за травмы конечности (у убитого отсутствовала стопа левой ноги), вследствие чего летчик запил, благополучно пропил жилье и скудные сбережения, после чего переехал жить под Ольгинский мост, поближе к монастырю, где бедному калеке всегда перепадал кусок на пропитание и монетка на «бормотуху».

Убийство калеки псковский убойный отдел проработал на совесть. Одних только протоколов опроса к делу подшили не меньше трех десятков, фотографий с места преступления хватило бы на три альбома, будь их тематика чуть повеселее, но продвинуться в расследовании им это не помогло. Подозреваемых в процессе следственно-розыскных мероприятий прошло около десятка, но до суда дело так и не дошло. Обвинять оказалось некого, и дело повисло «глухарем». Произошло это за два с половиной года до убийства Косыгина.

После псковского дела Гуров еще надеялся, что в случае с Косыгиным действовал подражатель, но поиск идентичных преступлений все же начал. Спустя два часа он отыскал еще одно преступление, совершенное тем же способом. Все те же шесть с половиной десятков ран,

нанесенных кухонным ножом, те же отрезанные пальцы и снова «висяк». Город поменялся с Пскова на Курск, на этом разница заканчивалась. После этого стало окончательно понятно, что речь идет об организованной группе и о серии убийств.

Догадка подтвердилась на сто процентов. К полудню вторых суток у Гурова на руках скопилось порядка двенадцати подобных дел. Радиус действия группы никак не определялся территориально, так как места преступлений отстояли друг от друга на многие сотни километров. Омск, Череповец, Киров, Ульяновск, Оренбург, Уфа... Список солидный, даже в столице наследили. Гуров как раз дошел до изучения московского эпизода, когда в архив приехал Крячко.

– Все корпишь? Бросай это неблагоприятное занятие. – Стас выложил на стол пакет с пирожками. – Обедать пора, а ты еще не завтракал. Хорошо еще, я о тебе позаботился, а то бы одним запахом бумажным питался.

– Перекусить было бы неплохо, – кивнул Лев и заглянул в пакет. – О, симпатичные! Надеюсь, не у Сивухиных приятелей разжился?

– Обижаешь. В кафетерий забежал, тут недалеко вполне приличный общепит. Чай навынос не продают, а то бы я прихватил.

– С меня и пирожков довольно. – Гуров выудил из пакета пирожок и впился в него зубами. – Вкусно, – прокомментировал он.

– Знаю, пробу снял. – Крячко уселся на свободный стул и, последовав примеру друга, спросил:

– Что новенького?

– Плохи наши дела, – проглотив кусок, ответил Гуров. – Налицо деятельность организованной группы лиц. – Он выложил перед Крячко список дел, которые удалось найти. Тот пробежал по списку глазами и присвистнул:

– Ого, солидно!

– Не то слово. Такого урожая я давно не видел.

– Что делать собираешься?

– Сам как думаешь?

– Проверять каждый эпизод, – произнес Стас и тяжело вздохнул. – Эх, и работенка нам предстоит! Орлову доложил?

– Пока нет. Сперва самому осмыслить надо, а то получится, как с Косыгиным. Я только аналогию провел, а мне уже готовое решение навязали.

– На первый взгляд версия вполне правдоподобная. Объявилась банда придурков, которые решили, что резать людей – это весело. Сидеть на одном месте и резать прохожих чревато последствиями, а разъезжать по стране и в каждом городе кромсать по одному человеку вроде как незаметно. Упаковали чемоданы и поехали, – начал вслух рассуждать Стас. – А почему нет? Если возраст и финансы позволяют – катайся по России-матушке сколько душе угодно. Страна большая, скоро не загребут.

– Насчет финансов замечание актуальное. Откуда они деньги берут? На что живут, на какие шиши по стране раскатывают? Хоть на личном авто, хоть на общественном транспорте – на все деньги нужны, – заметил Лев. – Выходит, наши клиенты из обеспеченных слоев.

– Может, и обеспеченные, а может, и грабежом промышляют. Убили, обчистили, наворованное обналичили и дальше покатили, – предположил Крячко.

– Нет, Стас, тут ты не угадал. Из того, что я успел о них узнать, жертвы они себе подбирают по определенным критериям, – покачал головой Гуров. – Судя по датам, банда действует порядка трех лет, а может, и того больше. За все это время только Андрей Орехов не вошел в общую схему. Ранее члены банды выбирали себе жертву из числа опустившихся слоев общества: безработные, пьяницы, гастарбайтеры, наркоманы и бомжи. В разных сочетаниях.

– Может, специально расчет на то, что ради бомжей никто из штанов выпрыгивать не станет? Убили нарика, да и шут с ним. Найдется убийца – хорошо, не найдется – плевать.

– Или идейные, – внес свое предположение Гуров. – Слышал про так называемых «санитаров общества», а еще есть «общество белых охотников»? Группы в социальных сетях, где публикуют ролики с кадрами избиения бомжей и гастарбайтеров. Насилие ради насилия, так, кажется, но прикрывается это красивыми лозунгами типа: «Очистим город от грязи, наркотиков и алкоголя».

– Думаешь, наши из этой серии?

– Думаю, да. Только зашли дальше, чем остальные.

– Хреново дело, – снова вздохнул Стас. – Придурки с идеями, да еще разгуливающие по всей стране. Найти их просто нереально.

– А главное, не думаю, что Орехова тоже они убили.

– Вот те раз! На черта же ты тут два дня зависаешь, если не веришь, что Орехов из той же серии, что и Косыгин?

– Приказ есть приказ, – пожал Лев плечами. – Для того чтобы двигаться дальше, нужно исключить версию с бандой «санитаров». Совпадений на самом деле много.

– Так что тогда тебя не устраивает? Одно дело, если бы они Орехова в пиджаке и при галстуке встретили, а то ведь в подштанниках и после недельной попойки. Как раз их клиент.

– Что не нравится? Пока не могу сказать, но что-то точно есть, – задумчиво проговорил Гуров. – Считаю, что интуиция.

– Вечно ты со своей интуицией. Тут без нее не знаешь, с какого бока за расследование браться, а ты еще ощущения свои подсовываешь, – проворчал Стас.

– Ладно, оставим это. Давай думать, с чего начинать. Логичнее всего по новой отработать убийство Косыгина, сам же видел, кто над делом работал. Если повезет, найдем зацепку.

– А если не повезет?

– Тогда по другим городам покатаем. Пока не найдем то, что ищем, – подытожил Гуров.

Глава 4

– Да не могу я тебе гарантий дать, Лева! Никаких гарантий, понимаешь ты это или нет? Это же не горошины от стручков отделить, в конце концов! То, что происходит в человеческом мозге, находится за гранью понимания и на конкретные составляющие не раскладывается. Легче атомное ядро на протоны и нейтроны разделить, чем понять, какими мотивами руководствуется человек, совершая то или иное действие. И это, заметь, нормальный человек. Нормальный!

– И все же что-то ты можешь сказать. Я ведь чувствую, что ты недоговариваешь. Осторожничаешь. А мне твоя осторожность боком выйдет. Ты меня-то пойми, Веня, я по уши в дерьме! Все, что мне нужно, это чтобы ты высказал свое мнение. Мнение, Веня, не вердикт! Я с ним в суд идти не собираюсь. И к делу пришивать не планирую. Толчок, отправная точка, вот что мне нужно.

Разговор на повышенных тонах происходил в отделении психиатрии московской психиатрической больницы имени Гиляровского, куда Гуров приехал после двух недель, заполненных поездками по городам и весям в поисках следов банды «Беспалых», как, с легкой руки капитана Игольников, прозвали убийц Ванечки Косыгина и иже с ним. Повторное расследование убийства Ванечки заняло неполных три дня. За это время Гуров и Крячко успели перетрясти все грязное белье калужской маргинальной тусовки, отыскать свидетелей, даже тех, кого не удалось найти следователю и стажеру, но каких-либо значимых результатов поиски не дали.

Тогда Гуров методом тыка выбрал город из числа тех, где произошли идентичные преступления, и поехал туда. Первым на очереди оказался Ульяновск, и там обоим полковникам пришлось попотеть, чтобы заставить местных правоохранителей напрячь мозг и выдать информацию, не вошедшую в отчеты. Потраченные усилия совершенно не оправдывали полученного результата, но в тот момент Лев был рад и малому. Предположение о количестве членов банды вроде бы подтверждалось, в случае с ульяновской жертвой действовали минимум три человека. Кроме того, ульяновский эксперт составил приблизительный портрет двоих из трех нападавших. Ничего конкретного, лишь общее описание физических параметров, но это уже было кое-что.

Посчитав, сколько времени придется затратить на объезд всех городов, Гуров и Крячко разделились. Поделив между собой города, разъехались в разные стороны, договорившись держать мобильную связь. Дело пошло быстрее. Приезжая в очередной город, оба знали, с чего начать и до какого момента есть смысл в городе задерживаться. Спустя две недели, измученные и злые, они снова вернулись в Калугу. Подбив итоги, получили неутешительный результат: за полмесяца работы расследование убийства Орехова не продвинулось ни на шаг.

Тогда-то и пришла в голову неожиданная мысль: обратиться к психиатру, чтобы тот помог нащупать хоть какую-то логику в действиях «Беспалых». Отправив Крячко отсыпаться, он сел в машину и поехал в Москву. За годы работы в органах Гуров усвоил одну простую вещь: ни один психиатр не бросится помогать полиции при первом же обращении, будь ты с ним хоть в трижды шикарных отношениях. Почему? Да потому что работы у них и без просителей выше крыши, а ответственность в таких случаях куда выше, чем при консультации простых смертных.

Правда, есть в среде «мозгоправов» определенная категория людей, которые любят разгадывать сложные задачи. Стоит им подкинуть головоломку посложнее, и отказаться от ее решения они уже не смогут, несмотря на то, что, действуя без официального соглашения, рискуют потерять лицензию. В числе гуровских знакомых таким авантюристом от психиатрии был Вениамин Непольский. Их связывали узы многолетней дружбы, так что рассчитывать на

его помощь можно было на восемьдесят пять процентов, поэтому Лев и оказался в больнице Гиляровского.

Сперва все шло по плану: Непольский встрече с другом обрадовался, выписал ему пропуск на территорию больницы, встретил, как родного, напоил чаем, долго расспрашивал про жену, здоровье и жите-бытие, старательно обходя тему профессиональной деятельности Гурова. Затем, как это обычно бывает, в разговоре образовалась пауза, которой тот беззастенчиво воспользовался. Начал он с изюминки, если можно так назвать странную особенность преступлений, совершаемых «Беспалыми», а именно с рассказа об отрезанных и исчезнувших пальцах.

Расчет оказался верный, история Непольского явно зацепила. Он принялся выспрашивать подробности, вникать в нюансы и что-то старательно черкать на возникшем из ниоткуда листке бумаги. Гуров старался как мог, расписывал каждый случай во всех красках, даже фотографии Непольскому предъявить не поленился. И вот, когда, по его ощущениям, Веня по уши увяз в расставленных силках, тот вдруг отложил в сторону лист и резко сменил тему. Заговорил о какой-то конференции, к которой вроде как готовится вся психиатрическая элита, и он, Непольский, в том числе.

Гуров аж опешил, отчего без обиняков заявил, что до конференции ему совершенно никакого дела нет и пусть, мол, Веня от темы не уходит. Вот тут и началось: Веня вспылел, обвинил друга в том, что тот пытается использовать его расположение в корыстных целях, а ему такой расклад совершенно не по вкусу. Лев принес формальные извинения, но давить на друга не перестал. Наоборот, засыпал того аргументами, которые должны были пробудить в психиатре чувство долга перед обществом. Короче, давил на совесть, пока тот не взорвался окончательно и не выдал вышеизложенную тираду о гарантиях.

Ответный взрыв эмоций обычно щепетильного в подборе слов полковника заставил Непольского сбавить тон. Подобных заявлений, типа «по уши в дерьме», он от друга не слышал за все время знакомства, оттого и приутих.

– Видно, сильно тебя прижало, – резюмировал Непольский после минутной паузы.

– Не то слово, Веня, – вздохнул Лев. – Я больше двух недель бьюсь как рыба об лед, а толку нет. Нервы на пределе, начальство давит. Если честно, черт с ним, с начальством, самому противно. Ведь сколько душ эти мерзавцы загубили, а сколько еще загубят, если их не остановить! Как подумаю об этом, жутко становится.

– Слишком уж ты к себе строг, Лева, – осуждающе покачал головой Непольский. – Ты ведь всего лишь человек, со всеми человеческими слабостями и классическими возможностями. Ты не супергерой, не маг, не волшебник, так и не предъявляй к себе завышенных требований.

– Тогда незачем было идти в убойный отдел, брать на себя обязательства и полномочия, – устало проговорил Лев. – Ладно, все это лирика. Ты лучше скажи: будешь помогать или мне другого эксперта искать?

– Ну, в том, что тебя отказ не остановит, я не сомневаюсь, – заулыбался Непольский, – а потому попытаюсь помочь.

– С этого и нужно было начинать, – облегченно выдохнул Гуров.

– Попытаюсь, – повторил Непольский, увидев, как заблестели глаза у друга. – Не решу твои проблемы, не вложу тебе в руки волшебную палочку или ключ к разгадке, а всего лишь попытаюсь нарисовать психологический портрет членов банды. Особых надежд не питай, Лева, все, что я скажу, не более чем теоретические выкладки.

– Для начала пойдет, – согласно кивнул Лев.

– Начнем, пожалуй, с возраста, – с минуту подумав, начал Непольский. – Возраст твоих преступников должен варьироваться в пределах от восемнадцати до двадцати шести лет.

Почему? Да потому, что в этом возрасте молодые люди наиболее подвержены психологическим метаниям. Становление личности, осознание собственной значимости и все такое.

– Разве этим грешат в восемнадцать? Не раньше? – удивился Гуров.

– Ты прав, начало пубертатного периода наступает несколько раньше. Для девочек – лет в двенадцать, для мальчиков – чуть позже, и к восемнадцати, как правило, завершается, но мы говорим не о половой зрелости, а о зрелости психики. Тут все индивидуально, хотя и связано с пубертатом. Итак, если не желаешь прослушать курс молодого психолога, придется полагаться на мои знания и мой опыт.

– Ладно, молчу. – Гуров жестом показал, что идет на попятный.

– Все же объяснюсь, почему мной определен именно этот возрастной отрезок, – подумав, произнес Непольский. – Дело в том, что речь идет не о классике девиантного поведения подростков и лиц более старшего возраста. Группы людей, чье поведение не укладывается в общепринятые нормы, существовали всегда, и наибольший процент данных отклонений от нормы поведения приходится как раз на пубертат. Но! Девиант, в классических его проявлениях, теряет актуальность, как только подросток переходит во взрослую жизнь. Обзаводится семьей, получает работу в престижной фирме, поступает в высшее учебное заведение – все это дает ему возможность осознать себя полноценным членом общества и без дополнительных стимулов. Пока все понятно?

– Продолжай, – коротко ответил Лев.

– Итак, человек обзавелся новым статусом, и необходимость в девианте отпала. Всегда ли так происходит? Разумеется, нет. Бывают случаи, когда и после восемнадцати, и после двадцати пяти лет на первом месте у определенной личности остаются ее детские представления о несправедливости жизни и несовершенстве общества. Из таких личностей и складываются устойчивые группы лиц с явно выраженными девиантными наклонностями. В данном случае ситуация осложняется тем, что лица, которых ты ищешь, выбрали себе эталоном поведения не просто нормы, отличающиеся от стандартных, но нормы асоциальные, античеловечные и уголовно наказуемые.

– И что дают нам твои выкладки?

– По сути, ничего. Мы можем предположить, что возраст членов банды «Беспальных» несколько старше. Хотя бы исходя из того, как долго они этим занимаются.

– Можно как-то попроще? – попросил Гуров.

– Можно, но сперва я бы хотел описать тебе структуру или иерархию, на которой строятся абсолютно все группы или объединения, независимо от того, какие цели их объединяют.

– Думаю, с этим я знаком, – заметил Лев.

– Тем не менее обозначусь. В данных группах обязательно существует лидер. Именно он собирает вокруг себя тех, кто готов разделить его взгляды, интересы и идеи. Без лидера группа просто не может существовать, как, впрочем, и без остальных ее членов.

– Логично. Один человек – не группа, – усмехнулся Лев.

– Совершенно верно. А вот два – уже группа. Но такое случается редко, обычно группа собирается минимум из трех-четырех человек. – Непольский сменил позу, побарабанил пальцами по столешнице и продолжил: – Итак, есть лидер. Каковы его обязанности? Он определяет цели группы, ее интересы и конкретные дела. Он же не дает группе распасться. Да-да, это очень важный фактор. В какой-то момент в группе обязательно происходит раскол, особенно в той, что выбрала для себя криминальные цели. Кто-то испугался разоблачения, кому-то стало противно, у кого-то проснулась совесть, и каждый из них решил потихоньку свалить. Уйти незаметно им не даст лидер. Именно он должен строго следить за тем, чтобы люди из группы не разбежались. Как этого добиться? Давить на страх. А еще лучше замазать каждого члена группы так, чтобы он сам боялся потерять доверие остальных членов и не оказаться на скамье подсудимых за общие делишки.

– Это все общие понятия, – выдал Гуров. – Хотелось бы конкретики.

– Вот тебе конкретика, – легко уступил Непольский. – Некий гражданин, по каким-то причинам недополучивший любви и ласки от родных и по этой или по какой-то иной причине обозлившийся на весь мир, решает для себя, что жить по правилам – скучно. Он стремится создать свое общество, свой идеальный мир. Что ему нужно для воплощения своей идеи? Как ни парадоксально, нужны ему все те же люди. Без них не построить общества, как ни крути. Он это осознает и начинает искать соратников, людей, которые разделяли бы его взгляды. Сейчас сделать это довольно просто, не нужно даже из дома выходить.

– Знаю, – перебил его Гуров. – Создал страничку в соцсетях, открыл группу и ждешь, кто туда заплывет.

– Совершенно верно. Этот способ хорош уже тем, что создатель группы сам решает, кого в эту группу принять, а кого отвергнуть. Как правило, общением в соцсетях все и ограничивается, но не всегда. В случае с нашим гражданином, назовем его для простоты повествования мистер Икс, так и случилось. Мистер Икс подобрал себе группу, которая разделяла его взгляды на негативное отношение к так называемым маргиналам. Такой вывод мы можем сделать, исходя из выбора жертв «Беспалых». Согласен?

– Согласен.

– Итак, группа образовалась, взгляды определились, что дальше? А дальше мистеру Иксу стало скучно просто болтать о мерзости маргиналов. Он решил, что пришло время действовать. Почему? Скорее всего, того влияния, которое он имел над членами группы удаленно, ему стало недостаточно. Он захотел ощутить свою власть физически. В таких случаях предлагается встреча ради конкретных дел. «Соберемся и отметим бомжей и алкоголиков» – примерно так поначалу звучал его призыв. Кто-то из группы наверняка откликнулся, раз уж существование группы мы под сомнение не ставим. Встретились, отметили, понравилось. Дальше – больше. Встречи участились, «борьба» с отбросами общества пошла полным ходом, и тут мистер Икс заметил, что кое-кто готов сорваться с крючка, а может, и даже более вероятно, уже сорвался. На встречи начали приходить не все, и с каждым разом группа становилась все малочисленнее. Мистер Икс испугался, что потеряет всех приверженцев, с таким трудом им полученных. Тогда он решается на отчаянный шаг: в очередной раз, когда группа выходит на улицу вершить праведные дела, он берет с собой нож.

– Нож только у него? – вклинился в монолог Гуров.

– Не обязательно. Возможно, то же самое он предложил другим членам группы. Возможно, заставил воспользоваться ножом уже на месте. Быть может, первое убийство вообще произошло спонтанно, никто его не планировал. И вот тут-то и случился перелом. Членам группы понравилось убивать, после чего они переквалифицировались из группы в банду. А дальше начинается то, что имеет непосредственное отношение к твоим нуждам.

– В каком смысле?

– Все, о чем я говорил ранее, только преамбула. Теперь же перейдем к деталям, и, возможно, они помогут тебе в поисках преступной банды, – пояснил Непольский. – Первое, что обращает на себя внимание, – количество ударов, которое использует мистер Икс в ходе совершения преступления. Цифра эта, повторяющаяся столько раз, не может не иметь скрытого значения. Во-первых, потому что в том состоянии, в котором должны находиться убийцы в момент совершения преступления, заниматься подсчетом ударов, не имея число какого-то особого значения, просто невозможно. Во-вторых, потому что любой группе, пусть даже состоящей из последних отморожков, важно иметь определенное оправдание своим действиям. Нет, даже не оправдание, а объяснение.

– Объяснение для кого? – уточнил Лев.

– Для самих себя, мой друг, для самих себя, – для убедительности дважды повторил фразу Непольский. – Им недостаточно просто объявить себя «санитарами общества», таких

деятелей сейчас предостаточно. Им же нужно, чтобы идея имела сакральный смысл. Не в религиозном, а в ритуальном смысле. Лупить бомжей – это пошло, а вот очищать мир от мерзости, опираясь на вековые традиции каких-то верований, – это значит быть в тренде.

– Жуть какая-то, – скривился Лев.

– Жуть, но имеющая под собой определенные основания. Уж поверь мне, Лева, я этим вопросом занимался не один год.

– Ладно, верю. Что дальше?

– Дальше необходимо понять, какой смысл мистер Икс нашел в числе шестьдесят четыре. – Непольский наморщил лоб, пытаясь отыскать в глубинах памяти что-то, связанное с вышеозначенным числом. – Признаться честно, с ходу на ум ничего не приходит. Будь то цифра «три», было бы куда проще. Тут фантазии есть где разгуляться. Три – единство божества, трехмерность пространства, трехфазность бытия, будь то прошлое, настоящее и будущее. Или рождение, жизнь и смерть. С тройкой всегда проще. Но, увы, это не наш случай. – Непольский помолчал, переваривая свои же мысли, затем встряхнулся и продолжил: – Или взять число девять. Здесь тоже довольно просто: это число означает всемогущество. Опять же, Тройная Триада. Три, умноженное на три.

– Может, и здесь что-то на что-то умножили, – заметил Гуров.

– Скорее всего. Только нам придется не множить, а делить. – Непольский с минуту сидел молча, потом глаза его загорелись, и он снова заговорил: – Слушай, а ведь это гениальная мысль – восемь, помноженное на восемь!

Произнеся эту фразу, он уставился на Гурова таким взглядом, будто его слова сами по себе уже все объясняли.

– Прости, – покачал тот головой, – но мне твои выкладки непонятны. Было бы неплохо, если бы ты облек их в слова.

– Ох, прости! – Непольский вышел из ступора. – Действительно, ты ведь не изучал вопрос так, как я. Так вот, шестьдесят четыре может быть восемь, помноженное на восемь. Это сочетание в индуизме особо знаковое. Оно означает порядок небесного мира, установленного на земле. Как раз подходящая платформа, не находишь?

– И к чему ведет нас это открытие?

– Есть отправная точка, кого искать, – торжественно заявил Непольский и снова замолчал.

– Ты меня, конечно, извини, Веня, – осторожно начал Гуров, – но лично мне совершенно непонятно, как индуистские восьмерки помогут мне найти банду «Беспалых».

– Да как же тебе непонятно? Современное общество основано на компьютерных технологиях, интернет-запросах и прочей информационной ерунде. Тебе должно быть известно, что с просторов интернета ничего не исчезает бесследно и ничего не остается незамеченным.

Непольский продолжал торжествовать, тогда как Гуров все еще не мог уловить, куда клонит психиатр.

– Запросы, Лева, запросы, аккаунты и страницы в соцсетях!

– Хочешь сказать, мы сможем выйти на банду, проанализировав запросы миллионов пользователей интернета? – Гуров смотрел на Непольского с сожалением.

– А почему нет? Это не так сложно, как кажется, – настаивал тот. – Ведь существует масса вспомогательных программ, способных вычленив нужные данные из хаоса интернет-запросов.

– Ладно, я тебя понял, – вздохнул Лев. – Советом воспользуюсь, хоть особой надежды на результат не питаю. И все же, если есть более земной способ выйти на банду, было бы неплохо это услышать.

– Более земной ты уже использовал, – обиделся Непольский. – Бегай по городам, ищи свидетелей, а лучше дожись следующего убийства и расследуй по горячим следам.

– Боюсь, ничего другого мне не остается. Что ж, Веня, спасибо за помощь. Пожалуй, пора мне возвращаться в Калугу.

Непольский проводил полковника до выхода, пожал руку, хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Махнул на прощание рукой и закрыл за Гуровым дверь. Тот дошел до парковки, сел в машину и поехал в Калугу. Всю дорогу он думал над советом Непольского. Резон в его словах был. Искали же они таким способом маньяка, который охмурял женщин и полностью подчинял их волю своей? Почему бы не попытаться так же выйти на банду «Беспалых»? Сколько может занять времени подобный поиск? Месяц, два, год? Только кто же даст ему этот год? Не сегодня-завтра Орлов начнет насаждать, так как насаждают на него. А ему, Гурову, и предъявить нечего.

Крячко ждал напарника в квартире, выделенной для проживания москвичей начальником Калужского полицейского департамента. По возвращении Гуров поделился со Стасом идеей Непольского. Того предложение не вдохновило. Как и Лев, он понимал, что никто им столько времени не даст, да и людей на эксперимент не выделит, а если нет ни календарных, ни человеческих ресурсов, то не стоит идею и обдумывать.

Тем не менее Гуров связался с капитаном Жаворонковым, чтобы услышать его мнение. Жаворонков подтвердил предположение полковников, заявив, что процесс это трудоемкий, временные затраты заранее оценить невозможно, но все же пообещал, что вопросом займется. Пошарит по социальным сетям, изучит ситуацию с группами, призывающими к насилию над асоциальными личностями. На удачу, так сказать, вдруг что-то да выплывет.

Телефонный разговор с Жаворонковым завершился ближе к полуночи, заниматься какими-либо делами было поздно, и напарники решили укладываться спать, а утром, на свежую голову, решать, что делать дальше. Улеглись быстро, свет потушили, поворочались с боку на бок. Спустя десять минут Крячко захрапел. А вот Льву не спалось. В голове роились мысли: обрывки информации, полученной в поездке по городам, отдельные части разговора с Веней Непольским, фразы, брошенные тем или иным свидетелем, фотоснимки с мест преступления – все это крутилось вокруг одного главного события, смерти Андрея Орехова. Крутилось, но к самому событию не приклеивалось.

– Не складывается картина, хоть ты тресни!

В ночной тишине голос Гурова прозвучал, как удар хлыста. Крячко подскочил на постели, чертыхнулся и, откинув одеяло, сел.

– Что опять не так? – обреченно спросил он.

– Все не так. – Гуров тоже сел. – С самого начала все было не так, Стас.

– Слушай, половина первого ночи, – бросив взгляд на часы, проворчал Крячко. – Если намерен говорить загадками, то я, пожалуй, дальше спать.

– Я про Орехова и его убийство, – пояснил Лев. Ему настоятельно требовался слушатель, и лучше Крячко слушателя было не найти.

– Это я понял. Ты конкретнее можешь выразиться?

– Да убийство это. Малолетки-идеалисты, или как их там назвать, и сотрудник из аппарата президента. Скажешь, случайность? Просто под руку придуркам идейным попался? Черта с два, Стас, не верю я в такие совпадения!

– Вообще-то при твоей профессии в подобные совпадения только и можно верить, – начал Крячко.

– Ерунда, ты и сам того же мнения, – оборвал его Гуров. – Не бывает таких совпадений. Вернее, бывает, но не в этом случае. Давай начистоту: даже навскидку легко определить, что убийство Орехова из общей картины выбивается, и дело тут не в его статусе.

– Обоснуй. – Крячко знал, чего от него ждет напарник, – подтолкнуть работу мысли, и не более.

– Первое – количество ударов. В случае с Ореховым их тридцать восемь, почти вдвое меньше, чем в остальных эпизодах. Почему? Нет ответа. Второе – пальцы. У всех предыдущих жертв отрезали все десять, уносили три, и только у Орехова два средних как отрезали, так и унесли. Инструмент сменили – это три. Секатором пальчики откусили только у Орехова, в остальных случаях действовали, как мясники, простым кухонным ножом. И вот, если смотреть в совокупности, становится понятно, что убийство Орехова тщательно маскировали под действие банды. Как тебе такая идея?

Прежде чем ответить, Крячко долго молчал. До тех пор, пока Гуров не начал нетерпеливо ерзать на постели. Вот тогда Стас встал, прошелся по комнате, включил свет и заявил:

– Пришло время начать разрабатывать новую версию.

Спустя пять минут напарники сидели за столом и, уткнувшись лбами, составляли план следственно-розыскных мероприятий, рассчитанных на поиски тех, кто мог желать смерти начальнику департамента Управления по связям с органами законодательной и исполнительной власти Правительства Москвы.

Глава 5

В гордом одиночестве Гуров сидел в кафе «Золотой теленок», расположенном напротив Андрияновского отделения полиции, и поглощал скучные котлеты, запивая их жидким чаем. Возвращаться в отдел не хотелось, настроение и так на нуле, а там Крячко его дожидается. Только переступи порог, и начнутся расспросы, укоры и поучения, а в итоге снова никому не нужная деятельность.

В кафе он пришел не столько для того, чтобы поесть, хотя и подкрепиться давно время пришло, а для того, чтобы иметь возможность поговорить с генералом Орловым, не опасаясь, что разговор станет достоянием сотрудников отдела. Как оказалось, поступил он весьма предусмотрительно. Слушать то, что пришлось выслушать от генерала, в присутствии калужских правоохранителей было бы совсем уж неприятно.

Конечно, такой агрессии со стороны генерала Гуров никак не ожидал. Да, он предполагал, что в начале разговора, как только озвучит свою версию по поводу убийства Орехова, генерал начнет возражать. Но чтобы и после того, как он выложил все аргументы, дающие обоснование его версии, Орлов продолжал настаивать на своем, такого еще ни разу не случалось. Обычно он прислушивался к мнению полковника, а тут с первых же слов в бутылку полез. «Не даю своего согласия на возвращение в Москву», и всё тут.

Гуров потратил больше часа, пытаясь переубедить генерала, но все впустую. Разрешения вернуться в Москву и начать поиски лиц, заинтересованных в смерти Орехова, он не получил, а отсюда, из Калуги, ни один из пунктов так тщательно разработанного плана, на составление которого они с Крячко убили полночи, выполнить не представлялось возможным. И что прикажете делать? Убийцу найди, но действовать логично не могли – вот что получилось в итоге. Как идти с таким ответом к Крячко, Лев понятия не имел. И чем теперь заняться – тоже.

Оставалось либо создавать видимость работы, либо продолжать поиски банды «Беспалых», несмотря на то что к смерти Орехова они на девяносто процентов отношения не имеют. В любом случае нужно было возвращаться в отдел и принимать решение. Гуров успел убрать телефон в карман и дойти до выхода, когда позвонил Крячко.

– Долго ходишь, – проворчал он в трубку. – Гони в отдел, тут новости горячие.

– У меня тоже новости, – ответил Лев. – И вряд ли они тебе понравятся.

– Забудь. Уверен, когда услышишь мои новости, забудешь и про план, и про Орехова, и про высокое начальство.

Выпытывать Гуров не стал. До отдела ходу максимум десять минут, на телефонный разговор тратить время смысла нет. В отделе его встретил дежурный. Подскочил к нему и с ходу выдал:

– Вы уже слышали? Новый труп нашли!

– В Калуге?

– Нет, что вы! Нас пронесло. Это у питерских, в Волхове. Нам по факсу передали, в ответ на ваш запрос, – протараторил дежурный. – Я на пульте дежурил, сам факс принимал. Как прочитал сводку, так сразу к вашему напарнику с докладом. Новость – свежак, минут двадцать прошло, а может, и того меньше.

– Благодарю за оперативность. – Лев пожал руку дежурному и поспешил в кабинет.

Крячко нетерпеливо вышагивал вдоль окна, высматривая напарника. Услышав, что открылась дверь, он резко повернулся и, увидев его, довольно потер руки:

– Ну, брат Гуров, теперь дело пойдет. Не просто пойдет, а побежит семимильными шагами. Садись, я тебе новости выкладывать буду.

– Не хочешь сначала послушать, что генерал сказал?

– Да тут и спрашивать незачем, у тебя на лице все написано, – ответил Крячко. – Отказал тебе Орлов в грубой, циничной форме. Я прав?

– В общем и целом – да.

– А раз так, то и обсуждать нечего. Ты лучше послушай мои новости. – Стасу не терпелось выложить свежую информацию.

– Про убийство в Волхове? – не сдержался, чтобы не поддеть, Лев.

– Дежурный подпакостил? Вот засранец! Надо было ему влезть, – досадливо поморщился Стас.

– Ладно, не расстраивайся. Волхов и труп – практически все, о чем мне известно. Делись подробностями.

После изучения дел в архиве Гуров отправил запрос в центральный архив, надеясь, что, запустив частый бредень, выудит информацию по другим подобным делам, а вместе с ней и что-то, что поможет выйти на банду «Беспалых». В ответ на этот запрос питерские правоохранители и выслали сведения о новом убийстве. Произошло оно в пригороде Питера, в городке Волхов, прошлым вечером.

По дерзости преступление превзошло все другие, совершенные бандой ранее. Место будто специально напоказ выбирали: сквер Почивалова расположен практически напротив администрации Волховского района, чуть в стороне – прокуратура, в непосредственной близости – Алюминиевый колледж с вечно тусующейся молодежью на густо засаженной зеленым территории учебного заведения, да и сам сквер много лет служит переходом с Кировского проспекта на Волховский, откуда до набережной реки Волхов рукой подать. Одним словом, в сквере и днем, и ночью оживленно, а уж летними вечерами бывает и скамью свободную найти трудно.

И все же тупым отморожкам удалось совершить свое кровавое дело, не попавшись на глаза ни отдыхающим, ни полицейским патрулям. В соседнем парке, что тянется вдоль набережной реки Волхов, гордо названном в честь сорокалетия ВЛКСМ, в этот вечер одна из компаний мобильной связи устроила праздничные гуляния по поводу своего скромного юбилея. Народ из почиваловского сквера за полчаса перекочевал в соседний парк, где выступали артисты, детей развлекали клоуны, вели раздачу бесплатных воздушных шаров, наполненных гелием, и вообще развлекались на полную катушку.

Убитый, Скачков Олег, двадцати семи лет, был найден группой подростков, которым надоела шумная тусовка, и они решили уединиться там, где поспокойнее. Полиция предполагала, что в тупичок, заросший густым кустарником, подростки лезли не просто так. Либо выпить вдали от посторонних глаз решили, либо травки покурить, либо еще чем-то недозволенным заняться. Так или иначе, но оказались они там практически сразу после того, как банда «Беспалых» завершила свое деяние.

То, что довелось увидеть подросткам, наверняка надолго отбило у них охоту искать укромные места для неблагоприятных дел. До патруля в парк ВЛКСМ они летели, как наскипидаренные, и, добежав до полицейских, давай наперебой вываливать страшные подробности. Те еле сумели подростков в чувство привести, чтобы заставить их говорить внятно. А как поняли, что случилось, рванули в почиваловский сквер. По дороге информацию передали в отделение, так что спустя десять минут тихий уютный сквер кишмя кишел ребятами в форме.

Схема убийства повторялась с точностью до удара. Шестдесят четыре удара ножом, внутренние органы буквально вывернуты из брюшной полости. И ни одного пальца на руках. Самое странное, что следов крови, кроме как на пяточке, где было совершено убийство, во всем парке найти так и не удалось. Начальник отделения полиции, ранее получивший запрос Гурова, дал команду оповестить московских коллег о совершенном деянии, и если бы не проволочки на местах, об убийстве Скачкова Гуров узнал бы еще накануне вечером, а так информация дошла до него только к десяти утра следующего дня.

От Калуги до Волхова по прямой шестьсот пятьдесят километров, а по шоссейным дорогам – на двести верст дальше, так что на дорогу уйдет часов пятнадцать быстрым ходом. Рассиживать Гуров с Крячко не стали, доложили об отъезде начальнику калужской полиции и выдвинулись в Волхов. Прибыли на место к часу ночи, благо волховские правоохранители встречу организовали, ночлегом и едой обеспечили. Начальник волховского отделения и слышать не захотел о том, чтобы москвичи тут же за дела взялись. «Ночное время предназначено для сна, – безапелляционным тоном заявил он. – Будет новый день – будет и работа». Пришлось подчиниться.

Ночь переночевали, а к восьми утра прибыли в отделение. Там их встречали следователь, которому было поручено вести дело Скачкова, и два оперативника. Они выезжали на вызов вместе с криминалистической бригадой, поэтому сведения, которыми они владели, были самые что ни на есть актуальные. Первым доклад начал следователь. Он сообщил информацию о жертве, собранную участковым инспектором.

Скачков Олег, бывший студент питерской консерватории, подающий надежды гитарист-виртуоз, певец и композитор. В определенных кругах Скачкову пророчили славу величайших гитаристов Карлоса Сантаны, Чака Берри и Джимми Хендрикса. Увы, пророчества не сбылись. Еще будучи на третьем курсе, Скачков организовал рок-группу, которая сразу вышла в топ лучших групп Санкт-Петербурга и имела бешеный успех. Вместе с успехом к Скачкову пришла популярность, деньги и, как сопутствующий атрибут рок-групп, алкоголь и наркотики. В итоге великим гитаристом всех времен и народов Скачков так и не стал, консерваторского образования не получил, так что популярность потерял слишком быстро, из гениального музыканта и композитора за короткий срок превратившись в вечно обдолбанного наркомана, никому не нужного и никому не интересного.

К двадцати семи годам все, что осталось у Скачкова, – это хибара-развалюха без удобств на окраине Волхова, а из всех доходов – жалкие гроши, которые он получал подаянием, играя в переходах Северной столицы. Эти скудные доходы он тратил на дозу и о большем, по утверждению соседей, не мечтал. Друзей у него не осталось, поклонников тем более. Из родни в том же Волхове жила престарелая прабабка по материнской линии, родители же до позорного конца сына не дожили, скончавшись еще в те времена, когда Скачков был на пике славы.

В момент смерти Олег находился под кайфом, да и умер почти мгновенно после третьего удара, когда нож попал точно в сердце, – этим объяснялось, почему никто из прохожих не слышал его криков. Несмотря на отсутствие кровавых следов в сквере, кое-что криминалистам все же удалось установить. Заросший кустарником уголок образовался за техническим сооружением типа трансформаторной будки, которая за ненадобностью пустовала. Построенная из кирпича, выглядела она добротно, видимо, поэтому ее демонтажом местные власти не озадачивались. Стоит постройка три на три квадрата, и пусть стоит. Кустарник ее удачно декорирует, так зачем сносить?

Волховские бомжи домик не облюбовали, только пацаны туда последнее время шастали, а так – заброшенный уголок. Скачков, наверное, об этом местечке знал и, судя по следам, пришел туда сам. Эксперты установили, что в момент нападения наркоман сидел с торцевой стороны будки, прислонившись к стене в том месте, где кусты не так сильно разрослись. Напали на него именно там, и в месте нападения на кустарнике остались фрагменты одежды одного из нападавших: волокна ткани черного цвета, достаточно дорогой, чтобы принадлежать кому-то из местных бомжей.

Кроме того, чуть в стороне криминалистами был обнаружен след от ботинка, четкий след протектора давал возможность идентификации. Слепок криминалисты отлили на случай, если появится, с чем сличать. И самым большим подарком Гурову явился тот факт, что на одной из видеокамер, расположенных при входе в сквер, пленка запечатлела двух человек в черных олимпийках. Запись по времени датировалась как раз нужным числом, и по времени

они прошли в сквер примерно за час до убийства Скачкова. Лиц, разумеется, видно не было, но физические данные просчитать было уже возможно.

– Одно не сходится, – рассматривая кадры с видеокамеры, рассуждал Гуров. – По словам патологоанатома, характер ударов указывает на то, что орудовали тремя ножами, а на камере парней всего двое.

– Ничего странного в этом нет, – возразил Крячко. – Первый прошел чуть раньше, а может, вообще воспользовался другим входом.

– Вы тоже так думаете? – обратился Лев к следователю Пашинскому.

– Да там и вход искать особо незачем, – пожал тот плечами. – Сами ворота в парке стоят чисто символически, а аллеи с двух сторон обрамляет кованый заборчик сантиметров восемьдесят высотой. При желании его перемахнуть легче легкого.

– Тогда почему эти двое полезли под камеру, вместо того чтобы воспользоваться такой возможностью?

– Да кто их знает, может, камер не заметили, – снова пожал плечами Пашинский.

– Местных уже опросили? Где-то еще эти парни засветились?

– Ищем, – уклончиво ответил следователь.

– Как вообще в вашем городе дела с видеокамерами обстоят? – допытывался Гуров.

– Если с Москвой или с Питером сравнивать – не богато, а так и ДПС устанавливают, и банковские организации, и бизнесмены, кто покруче, камерами не брезгуют. Да и заводские ребята, у кого производство на потоке, тоже обезопасить себя стараются.

– Тогда необходимо сделать следующее: в каждом районе выделить людей, которые собрали бы записи со всех действующих видеокамер, какие только удастся найти. Прочешем город частым гребнем, авось повезет.

– Это сколько же времени понадобится, чтобы отсмотреть всю эту прорву записей? – ошеломленно выпалил Пашинский. – Да нам года не хватит.

– Об этом не волнуйтесь, – успокоил Гуров. – Есть у нас специалист, который один с этой работой справится. Вы только материал ему предоставьте.

– Задачу понял. – Пашинский поднялся. – Разрешите выполнять?

– Выполняйте. А мы пока на место преступления съездим, осмотримся, так сказать.

В сквере Почивалова в этот день народу было немного, громкое преступление отпугнуло большую часть любителей отдыха на свежем воздухе. Уголок возле заброшенной трансформаторной будки отделили ограждающей лентой, возле которой дежурил сотрудник патрульно-постовой службы. В Гурове и Крячко он еще издали признал своих, козырнул, поздоровался, но документы предъявить все равно потребовал. Увидев, с кем имеет дело, ступшевался, ленту приподнял и молча пропустил полковников за ограждение.

Кровь убитого успела впитаться в сухую землю, бурыми пятнами выделяясь на зеленой траве и листе кустарника. В сквер крови оказалось не меньше, чем у дома Орехова. Гуров старательно обошел бурое пятно, продрался сквозь кусты ближе к забору. Здесь забор стоял добротный: глухой профильный лист двухметровой высоты, метров по пять в обе стороны, отделял сквер от проезжей части и пешеходной дорожки, ведущей в жилой массив. Лев поднял голову. Отсюда окон соседних домов видно не было, но это не означало, что пятачок у будки не виден с верхних этажей многоэтажек. «Домá придется обойти», – взял он на заметку.

Осмотр места происшествия занял чуть больше десяти минут. Потом Гуров и Крячко обошли сквер, чтобы иметь общее представление, откуда мог прийти третий и каким образом преступники покинули место происшествия. Рассуждая здраво, ни на Кировский проспект, ни на Волховский им соваться было не с руки. На Волховском – патрули, собранные в честь праздника в парке ВЛКСМ, на Кировском – администрация района, а следовательно, камеры и те же патрули. Самый безопасный путь лежал через жилой массив. Пройдя дворами многоэтажек, можно было избежать нежелательных встреч и не попасть под камеры.

– По домам пойдем? – проследив за взглядом напарника, спросил Крячко.

– Думаю, это самое разумное решение.

– Пять девятиэтажек в одну сторону, пять в другую. В каждом доме шесть подъездов, на этаже в среднем четыре квартиры, – начал подсчет Стас. – Это сколько же всего квартир обойти придется!

– Сейчас лето, попытаем счастья у бабушек на лавочках, может, все обходить и не придется, – заметил Гуров.

Лезть через ограждение им показалось несолидно, поэтому они обошли сквер со стороны Волховского проспекта и свернули во двор первой многоэтажки. Там им сразу улыбнулась удача. Три миловидные женщины, еще не бабушки, но уже и не озабоченные только своей персоной дамы, сидели на лавочке возле песочницы. Счастливый карапуз лет трех усердно лепил куличики, а женщины вели негромкую беседу. Завидев незнакомцев, они прервали разговор и внимательно следили за приближением полковников. Беседу с женщинами начал Крячко.

– Утро доброе, милые дамы, – галантно поклонившись, поздоровался он.

– Доброе утро, – вразнойбой ответили женщины. Та, что сидела с краю, поднялась со скамьи и перебазировалась ближе к карапузу.

– Полагаю, вы – местные? В этом доме живете?

– Вроде как местные, – ответила самая активная. – А вам что за забота? Из полиции, что ли?

– Почему сразу из полиции? – Крячко сделал вид, что удивлен.

– Да всё из-за убийства этого. В сквер парнишку убили, – объяснила женщина. – К нам уж кто только не приходил. И участковый, и следователь, и еще какие-то солидные люди в штатском. Теперь вот вы.

– Ваша правда, мы из полиции, – признался Станислав. – И вопросы у нас как раз относительно убийства в сквере. Не сочтете за труд еще разок на них ответить?

– Отчего ж не ответить, – отдувалась за всех активистка. – Только пользы от наших ответов вам не будет. Не видели мы, что в сквере происходило. И видеть не могли. Антонина, – кивнула женщина на ту, что охраняла карапуза, – на первом этаже живет. Сами понимаете, с такого ракурса что разглядишь? Валентина, та на девятом, только окна у нее на Кировский выходят, значит, тоже не помощница. Ну а я в третьем доме живу, мне парк почти не видно. Вернее, ту часть, где парнишку убили. Только середку, да и то в усеченном варианте.

– Значит, обзора никакого, – расстроено проговорил Стас. – Жаль, милые женщины, на вашу помощь только и была надежда.

– А ваше имя? – вклинился в разговор Гуров, обращаясь к активистке.

– Наталья Сергеевна я, – заученно произнесла женщина.

– Педагогом работаете, Наталья Сергеевна?

– Учительствую, – кивнула она. – Математика, информатика. Старшекласников учу.

– И Олега Скачкова учили?

– Нет, Олег не из местных, он в Питере учился. А вот брата его троюродного довелось учить, – ответила Наталья Сергеевна. – Только он здесь больше не живет. Уехал в Москву и там погиб. Жаль парня, но уж такова жизнь.

– Погиб? – переспросил Гуров.

– Под машину попал. Сразу насмерть. Бабка его, та, что Олега из Питера к себе переманила, единственная его родственница. Так мы с педагогами сбор денег организовывали, чтобы помочь ей внука похоронить.

– Печальная история, – вздохнул Лев и перешел к насущным проблемам. – Скажите, из второго дома вы с кем-то общаетесь? – указал он рукой на дом за спиной женщин.

– Кое с кем общаемся, кое-кого по разговорам знаем, – ответила Наталья Сергеевна.

– Из крайнего подъезда к кому можно обратиться по поводу происшествия в сквере?

– Имеете в виду, нет ли в доме любопытников, которые возле окна дни напролет просиживают? – догадалась Наталья Сергеевна. – Странно, что никто до вас этим вопросом не озадачился. Есть там один экземпляр. Мужчина довольно молодой, но замкнутый. Из дома почти не выходит. Работает на дому, даже еду по Интернету заказывает. Я-то его по школе знаю.

– Это ты про Талашкиного внука? Да, тип он странный. Я за пять лет его раза два если видела, и то много, – внесла свою лепту Валентина. – Очень замкнутый молодой человек. Лет ему чуть больше тридцати, а выглядит, как старик древний.

– Думаете, он мог видеть, что произошло в сквере?

– Видеть мог, только вам все равно ничего не расскажет, – заявила Наталья Сергеевна. – Он вас и на порог не пустит. Дверь не откроет и даже из-за закрытой двери разговаривать не станет.

– Как же быть? – Гуров смотрел на Наталью Сергеевну, ожидая напрашивающегося предложения. Уговаривать себя учительница не заставила.

– Хотите, чтобы я вас к нему отвела? – для проформы уточнила она. – Так-то я не против, только гарантии не дам. Пустит – хорошо, а нет, так не обессудьте.

– Вот и славно. Подруги ваши не обидятся, что мы вас у них украдем? – чтобы польстить женщинам, спросил Крячко.

– Они уже взрослые девочки, переживут, – улыбнулась Наталья Сергеевна. – Ну, пойдемте, попытаем счастья.

Талашкин внук, Леня Востриков, мужчина тридцати трех лет, жил на восьмом этаже. Окна его квартиры выходили четко на сквер. Крайняя комната, еще и с балконом. Балкон, ранее открытый, застеклили своими силами, используя для этого подручные средства. Занимался остеклением еще дед Вострикова, а после него до этой части квартиры, видимо, ни у кого руки не дошли. Так и остался балкон красоваться мебельной полировкой советских времен. От солнца и осадков полировка потрескалась, но само дерево держалось. Остальные окна хозяин заменил на современный пластик, заклеив изнутри светоотражающей пленкой.

Все это Гуров успел рассмотреть, пока шли к подъезду. Окна показала Наталья Сергеевна, не забыв про балкон. Несмотря на жару, все окна в квартире Вострикова были наглухо закрыты.

– Вы уверены, что он дома? – с сомнением спросил Стас, разглядывая глухие фрамуги.

– Дома, где ему еще быть? – заверила Наталья Сергеевна и попросила: – Вы на окна особо не пяльтесь, а то поймет Леня раньше времени, что вы по его душу идете, тогда даже мне дверь не откроет.

Волновалась она напрасно. Дверь Леня открыл после первого же звонка, даже не спросив, кто пришел. Вежливо поздоровался с бывшей учительницей, сухо кивнул незнакомцам, правда, в квартиру зайти не предложил. После взаимных приветствий он вопросительно взглянул на Наталью Сергеевну и спросил:

– Вы по делу?

– По делу, Леня, по делу, – ответила Наталья Сергеевна. – Тут товарищи из полиции пришли, насчет убийства в сквере поговорить с тобой хотят.

– Мы можем войти? – осторожно поинтересовался Гуров.

– Это так необходимо? – нахмурился Востриков.

– Желательно. Хотелось бы с вашего окна на панораму взглянуть, если вы, конечно, не против.

– Наталья Сергеевна, а вы войдете? – В голосе Вострикова звучала паника.

Учительница поняла его состояние так: помочь следствию ему хочется, но пускать незнакомых людей в дом он опасается.

– Проводи гостей в дом, Леня, – ласково произнесла она. – Я тоже с вами побуду. Посмотрю, чем могу помочь.

После этого Леня без задержек пропустил полковников в квартиру и сразу провел на балкон. Как ни странно, в комнатах у Вострикова царили порядок и чистота. Только воздух слегка спертый, а так – вполне приличное жилье. Даже мебель современная, не от бабушки доставшаяся. Техника вся по последним требованиям. Телевизор в полстены, компьютер в новомодном корпусе, колонки по четырем углам. «Парнишка-то не бедствует», – подумал про себя Крячко. Та же мысль посетила и Гурова.

– С балкона самый лучший обзор. Там тесновато, но, если вдвоем выйти, места хватит. – Востриков пропустил оперов на крохотный балкон и дальнейшие пояснения давал уже через порог: – Будку трансформаторную видно хорошо. То, что с тыльной стороны происходит, не видно, а то, что за будкой, просматривается отлично.

– Судя по вашим словам, преступников вы могли видеть, – начал Гуров.

– Точно не скажу. Эту будку с полгода как молодежь облюбовала. Каждый вечер кто-то приходит, – произнес Востриков. – В тот день тоже не раз приходили. Одного я запомнил, и, мне кажется, это и был убийца.

– Почему вам так кажется?

– Одет он был не по сезону, – пояснил Леня. – Капюшон на голове, и движения какие-то нервные.

– Он за будку заходил?

– Да, заходил. Первый раз просто обошел. Думаю, хотел посмотреть, нет ли посторонних.

– А второй раз?

– Второй раз отлить приспичило. Знаете, а он там не один был. Когда дела свои справлял, его кто-то из-за будки позвал. Слышать я не слышал, по жестике угадался.

– Это как? – переспросил Крячко.

– Ну, как... Зашел он за будку, начал мочиться. Потом голову набок наклонил, вроде прислушался. Затем чуть вбок согнулся и рукой махнул. Наверное, ответил тому, кто его звал.

– В котором часу это было?

Востриков назвал время. Оно совпадало со временем смерти Скачкова.

– Что-то еще видели?

– Потом полиция приехала, я сирены услышал и на балкон вышел. Видел, как тело увозили. Пацаны там еще крутились.

– Скажите, вы не видели, куда потом тот парень в капюшоне пошел? В какую сторону?

– Он за будку зашел, а у меня зуммер сработал, нужно было работу продолжать, – расстроенно признался Востриков. – Знать бы заранее, я бы проследил.

– В любом случае вы нам очень помогли, – заметил Гуров. – Осталось только приметы того парня записать, и можно начинать поиски.

– Приметы? – растерялся Леня. – Да я вам приметы назвать не смогу. Он ведь далеко был, а зрение у меня не айс.

– Вы не пугайтесь, на самом деле это несложно, – подбодрил его Лев. – Рост, вес, телосложение. Одежду описать, может, обувь.

Гуров и Крячко вернулись в комнату, Востриков рассадил всех на диване, сам сел в кресло. Минут десять потратили на выяснение примет, еще минут пять на взаимные благодарности, после чего полковники в компании Натальи Сергеевны покинули квартиру Вострикова.

Расставшись с Натальей Сергеевной, Гуров и Крячко до вечера обходили квартиры в многоэтажках, общаясь с теми жильцами, кто пообщительнее.

К восьми вечера, уставшие, с гудящими ногами, они приползли в отделение. Там их ждал приятный сюрприз: следователь Пашинский выполнил задание на пятерку, собрав такое количество видеозаписей, которого Лев никак не ожидал. Переправив все собранные материалы на Петровку Жаворонкову, Гуров и Крячко поехали в выделенную квартиру отдыхать и дожидаться результатов из Москвы.

Глава 6

Во дворе забрежали собаки. Не здесь, не близко. Не так, чтобы обеспокоить молодого человека в черной спортивной кофте с капюшоном. Он стоял у окна уже больше двух часов. Босые ноги успели заledenеть, несмотря на то что на улице температура стояла плюсовая. Почему он разулся? Обстановка в доме к этому не располагала: старый, давно заброшенный обветшавший домишко, где на полу доски-то через одну сохранились, не то чтобы какое-то напольное покрытие. И все же обувь, дорогие фирменные кроссовки, он предпочел снять.

Дом выбрали из соображений безопасности. С первого взгляда было видно, что его давным-давно не посещают даже бездомные собаки. Тропинка к дому полностью отсутствовала. Впрочем, как и часть крыши вместе с оконными рамами. Зато стоит на отшибе и на возвышении. Если кто вздумает в гости заглянуть – увидеть легко и к встрече подготовиться. Стой себе у окна и на дорогу смотри.

Но он стоял здесь не за этим. Ночь подходила к концу, и нужно было принимать решение. Откладывать дольше нельзя. Еще чуть-чуть, и будет поздно, он это чувствовал. Он всегда чувствовал, когда дело принимало паршивый оборот. Для него паршивый. На этот раз все зашло слишком далеко, и ему придется пойти на крайние меры. Иначе останется один, а этого он допустить никак не мог. Просто не мог, и всё!

Низкорослый, жилистый, но магически обаятельный для всех без исключения, будь то двенадцатилетний подросток, престарелая бабушка или солидный муж семейства, он с самого рождения собирал вокруг себя толпы почитателей. Чем так привлекал людей, пожалуй, он и сам бы не смог ответить на этот вопрос. Он не был политическим лидером, не выступал в рок-группе, не поражал окружающих выдающимися математическими или гуманитарными познаниями, не был гениален ни в одном направлении человеческой деятельности. Он даже животных никогда не любил!

И все же люди липли к нему, как мухи. Они восхищались им тайно, выражали свое восхищение явно, готовы были защищать его от любых бед и невзгод. Да вот только бед и невзгод с ним не происходило, обходили они его стороной. К восемнадцати годам общий накал обожания дошел до того, что выносить его уже сил не было. От этого хотелось кричать, хотелось все крушить, ломать и уничтожать. От этого физически хотелось блевать!

Вот тогда, чтобы не свихнуться, он и придумал этот клуб. Шикарная была идея: собрать вокруг себя тех, кто, зная, насколько ты гадок, мерзок и отвратителен, продолжали бы тебя обожать. Это ли не триумф? Это ли не расплата за восемнадцать лет, на протяжении которых приходилось быть милым, вежливым, заботливым, внимательным до одурения. Потому что от тебя ждут только этого. Потому что ты их кумир, ты их пример, и иначе и быть не может.

Сначала он действовал осторожно, изредка прощупывая почву в социальных сетях, присоединяясь то к одной, то к другой социальной группе и между делом насаждая свои идеи, отправляя случайных собеседников на «один весьма любопытный сайт». Тот, кто заходил на сайт больше трех раз, попадал под категорию будущих членов клуба. Их он начинал обрабатывать индивидуально. Четко и методично.

Идея клуба родилась легко. В мире слишком много никчемных людей. Жалких, опустившихся, даром прожигающих жизнь, загрязняющих социум. О ком это? О бездомных бомжах, пропойцах, тунеядцах и наркоманах. Разве неясно? Чем таким ужасным насолили ему бомжи и наркоманы? Да самым своим существованием! Он ненавидел бомжей больше всех на свете. Ненавидел их безразличие к отсутствию удобств, к общественному мнению, к условностям, отсутствию еды и мерзким запахам. Почему? Ну, почему им можно жить так, как заблагорассудится, а ему приходится соблюдать все эти ненавистные правила этикета и взаимной вежливости? Почему жалкий бомж, нигде не работая, каждый день находит себе кусок на пропитание?

Не каждый день? Да нет, каждый. Будь иначе, они давно бы вымерли естественным образом. А ведь живут же, значит, и со жрачкой все в порядке.

А эти уродливые, обдолбанные наркоши? Откуда у них деньги на дозу? Почему ему, для того чтобы в кармане появился лишний «штукарь», нужно батрачить, а долбаному наркоше на «чек» этот «штукарь» и без работы прилетит? Где справедливость? Где логика вообще?

С его высказываниями на форумах соглашались многие. Не то чтобы большое количество людей волновала социальная несправедливость. Просто работать не желал никто. И он в том числе, разумеется, но в его случае главной движущей силой было не это. Непередаваемая жажда извальяться в дерьме буквально жгла изнутри. Совершать поступки, оправдания которым нет. Такие поступки, о которых не расскажешь родной бабушке, не похвастаешься перед подругой, не поделишься с ребенком. Чем гаже, тем лучше. Замараться так, чтобы уже не отмыться. Вот о чем мечтал он, назначая встречу с первой группой адептов для своего клуба.

Природное обаяние, сродни гипнотическому, сработало и на этот раз. Из шести пришедших в клуб вступили пятеро. Шестого отбраковал он сам. По какому критерию не подошел шестой, было непонятно. Просто чувствовал, что тот не подходит для тех дел, которые он планирует совершать не один год.

С первой группой он не миндальничал, вел себя жестко, набивал руку и учился. Учился быть лидером отморозков, потому и распалась она так быстро. Можно сказать, исчерпала свой ресурс, не успев его накопить. Жалел ли он об этом? Нисколько. Группа была так себе, жалкие ублюдки, способные только на мелкие пакости. Справедливости ради надо сказать, что не все были так безнадежны. Вот Умет, например, по нему сразу было видно, что пойдет он далеко. Остальные – расходный материал, а Умет – тот крепкий орешек. До него Умету, конечно, далеко, но так и должно быть. В группе может быть только один лидер, и этот лидер – он.

Дальше было еще пять или шесть групп. Все рано или поздно рассыпались. До тех пор, пока он не понял, чем можно удержать тех, кто ему интересен. Одного обаяния оказалось мало, нужно было придумать что-то посущественнее. И он придумал. Страх – вот главный козырь. Все боятся разоблачения, все боятся тюрьмы и общественного порицания. Даже самые отъявленные отморозки. Значит, на этом и нужно играть.

А игру он придумал отпадную. Первый раз, когда вышли на дело, никто из группы не знал, что их ждет в конце. Так было задумано, чтобы никто раньше времени не соскочил. До того, пока кровью не замажутся. Шестьдесят четыре удара: глобально, символично и ужасающе. После такой процедуры мало кто с катушек не слетал. Щенков он выгонял, зная, что, замазавшись в крови жертвы, болтать об этом они не станут. Тех, кто выдержал испытание, оставлял при себе. За три года сколотил группу из шести человек, тогда дело и пошло.

На дело ходил всегда сам. Двоих с собой – и вперед. Больше трех – палевно, а так – символично. Почему-то это слово успокаивало. Символично... красиво звучит. Красиво и жутко. То, чем они занимались, выглядело тоже жутко. Поначалу. Нет! Первый раз адреналин так зашкаливал, что, казалось, череп лопнет и сердце из груди выскочит. Такого кайфа не испытывают даже наркоманы. Чистый кайф, без примесей. Полное подчинение внешнего внутреннему.

Сейчас чувства притупились, хотелось чего-то большего. Больше драйва, больше риска, больше адреналина. Он начал рисковать, устраивать казни в таких местах, где запросто можно вломиться на «мусоров» или засветиться перед свидетелями. Боже! Как он хотел засветиться перед случайным прохожим! Чтобы появился повод разобраться и с ним. Избавиться не от бомжа, не от пропойцы, а от добропорядочного гражданина или гражданки. Без разницы. Лишь бы почувствовать что-то новое, ранее не испытанное.

Почему он этого до сих пор не сделал? Наверное, боялся. Боялся, что потеряет остатки последней группы. Их и так осталось всего ничего. Он, Умет и Циля. Остальные мало-помалу рассосались. Не выдержали переездов, ночевки без удобств и вечного страха быть пойманными. Он помнил, когда его бойцы начали разбегаться. После орловского дела. В Орле он

палку перегнул, это факт. Отрезать палец одному из своих было слишком. Но иначе он не мог. Есть устав, есть правила и есть свод наказаний за нарушение правил. Облом правило нарушил. Мало того что наблевал прямо на ритуальную жертву, так еще и с количеством ударов напутал. Пришлось ему добивать, хорошо, что он не только свои удары считает. Нет, иначе поступить было нельзя. И наказание нужно было совершить на глазах у всех. Иначе какой же он лидер?

После инцидента в Орле группа за полгода сдулась. Последнее время вербовкой новых бойцов он не занимался, опасался, что менты вычислят. Работать продолжали втроем. Теперь и Циля начал сдуваться, следовательно, с ним что-то нужно решать. Решение напрашивалось само собой: от Циля придется избавиться. Сегодня. Сейчас. Было ли ему жалко Цилю? Нисколько. Предвкушение чего-то нового жгло нутро, выдавливая и страх, и жалость. Каково это будет, вонзить нож в тело бывшего соратника, с которым делил кров и стол на протяжении многих лет? Думать об этом и то сладко, каким же окажется само действие?

Тормозило только одно: как воспримет новость Умет. Сначала он хотел привлечь его к расправе над Цилей, но так ли это разумно, как кажется на первый взгляд? Обмозговав проблему, решил действовать в одиночку. Теперь, когда до решающего шага оставались считанные минуты, сомнения снова закрались в голову. Что, если Умет взбунтуется? Убрать и его? Но с кем он тогда останется? Нет, одному ему никак нельзя. Только не сейчас. Не тогда, когда все висит на волоске. Надо придумать для Умета жесткий аргумент. Убедить, что иначе поступить нельзя.

В дальнем углу заворочался Циля. «Хоть часы по нему сверяй. Ровно в пять тридцать мочевого пузырь гонит во двор», – скривила губы презрительная усмешка. Он быстро, но бесшумно скользнул к входному проему и скрылся во дворе. Циля потянулся на жестком топчане, зевнул и поднялся. Не открывая глаз, поплелся к выходу. Его умение не глядя ориентироваться в незнакомых местах всегда поражало товарищей. Вот и сейчас он добрался до выхода, ни разу не налетев на скудные остатки мебелировки. С крыльца спустился все так же, не открывая глаз. Сделал шаг в сторону, чтобы не мочиться на порог. Рука потянулась к ширинке. Послышался звук открывающейся молнии, через пару секунд зажурчала пущенная струя.

Мысли привычно потекли по накатанному. В последнее время сожаление стало постоянным спутником всех мыслей Циля. Он пытался понять, в какой момент в его голове случился катаклизм, который привел его сюда, в заброшенный дом на окраине захудалой деревушки. Мысль сверлила, долбила мозг, отступая только тогда, когда удавалось уснуть. Как мог он, Натан Ройтман, сын известного банкира, Изи Ройтмана, попасться на удочку дешевого шарлатана? Как мог променять теплую постель, горячие оладьи под кисельным соусом на завтрак и воздушную рыбную запеканку своей дражайшей матери Циры по праздникам на этот жалкий акт протеста? Зачем он сделал это? Почему?

Сперва было весело. Бросить в лицо отцу фразу, что Натану Ройтману не нужны грязные деньги его вороватых предков, – это было круто. Гоняться из города в город, менять место жительства, не задумываясь о том, чем все в итоге обернется, и плевать на то, найдется ли кусок хлеба, чтобы утолить голод. Романтика. Приправленная горечью осознания, что перспективный сын уважаемых родителей покатылся по наклонной, но романтика. Адреналин зашкаливал, кровь бурлила, а не текла вялым самотеком. Он, Циля, взявший производное от имени матери в качестве клубной клички, чувствовал себя всемогущим.

И тут что-то произошло, что-то ужасное. То, чего он ожидал, но надеялся избежать. Твердая рука обхватила шею, жесткая перчатка заткнула рот, готовый вытолкнуть наружу крик. Глаза открылись, и он увидел то, о чем догадался, едва почувствовав ткань перчатки на своем языке. Он увидел взгляд того, кто много лет распоряжался его жизнью, его телом и его мыслями. Теперь всему этому пришел конец. «Меня приговорили, – заполнила сознание страшная мысль. – Он меня приговорил. Как всех тех, кого мы считали мусором. Я мусор, и мне конец».

Рука, сжимающая горло, давила все сильнее. В легких почти не осталось воздуха. «Кричать! Нужно кричать! Нужно бороться! – застучало в висках. – Борись, или же будет поздно». Умирать Циля не хотел. Совсем не хотел. Несмотря на то что давно перестал себя уважать, перестал радоваться жизни и ждать от нее чего-то приятного. Оказалось, жизнь, пусть даже паршивая, очень ценна для того, у кого ее отбирают.

Из последних сил Циля сперва напряг мышцы шеи, затем резко обмяк. Весом он намного превосходил своего противника, поэтому легко увлек его вниз. Рука, сжимающая шею, ослабла. Совсем ненадолго, на долю секунды, но Цилю этого хватило. Сгруппировавшись, он сделал пол-оборота и локтем въехал в гениталии бывшего лидера. Услышав крик боли, Циля рванулся вперед и вбок, полностью высвобождая тело. Почувствовав свободу, сорвался с места и побежал по двору.

Впереди пустотой зияли проемы двух сараев, чуть левее от сараев кустарник зарос так густо, что продрасться сквозь него Цилю не светило. Оставались либо сарай, либо правая межа, где густым частоколом светился забор. «Только бы в сарай не загнал, – боковым зрением наблюдая за передвижением преследователя, испуганно подумал Циля. – Из сарая мне живым не выбраться. Черт, и зачем я только с ним связался!»

Ноги несли к частоколу, руки изо всех сил загребали воздух, помогая телу двигаться быстрее. Дыхание то и дело срывалось, жутко хотелось кашлять. Видимо, горло все же повредил удушающий захват. Но кашлять было нельзя. Стоит начать, и уже не остановишься, Циля это слишком хорошо понимал. Остановка – это смерть, а смерть в планы Циля не входила. Когда до частокола оставалось каких-то паршивых пять метров, он споткнулся и почти мгновенно ощутил на лодыжках холодные пальцы. Они впились в кожу и начали тянуть его назад.

– Отцепись, ублюдок! – От страха Циля вдруг зарычал басом, хотя по жизни обладал всего лишь дребезжащим тенорком. – Пошел к черту! Я не шучу, отпусти меня, иначе будет хуже!

– Да ты, я вижу, осмелел, дружок, – резанул уши Циля гадкий смешок. – Видно, я в тебе не ошибся.

Изловчившись, Циля высвободил одну ногу и лягнул захватчика в лицо. Каблуком попал точно в переносицу. Сзади послышался жалкий стон, хватка ослабела. Циля подтянул ноги к животу, вскочил и снова помчался к частоколу. Оказавшись перед забором, он с досадой понял, что перебраться через него не сможет. Слишком высок оказался забор. «Нужна какая-то опора», – пронеслось в голове Циля, глаза зашарили по сторонам, а ноги понесли дальше от места падения.

Опору, старый деревянный ящик из-под бутылок советского образца, Циля увидел в тот момент, когда преследователь пришел в себя после удара. Из его носа текла кровь, пачкая подбородок, но он уже поднялся и готов был возобновить преследование. Циля не стал дожидаться, когда погоня возобновится, бросился к ящику, ухватил его одной рукой, дернул на себя. Ящик сдвинулся на пару сантиметров и застыл. Циля дернул еще раз, ящик не поддался. «Что за черт?» – ругнулся он и тут увидел причину задержки. Куст крыжовника пророс через решетки ящика и теперь цеплялся сучковатой веткой за дно.

«Вот ведь засада, холера ее заberi! – снова выругался Циля излюбленным ругательством своей бабки. – Ну, ничего, Цилю так просто не уничтожить». Он снова опустил ящик на землю, всунул внутрь ногу и резко ударил по ветке каблуком. Ветка хрустнула, Циля дернул ящик, и тот, чуть поскрипев, поддался.

А за спиной уже сопел бывший лидер с окровавленным носом. Циля отпрыгнул на пару шагов в сторону, пытаясь увернуться от цепких рук. Куст крыжовника, который секунду назад был Цилю врагом, стал вдруг лучшим другом, перегородив дорогу преследователю. Пока лидер искал, как обойти куст, Циля успел подставить ящик к частоколу и уже подтянулся на руках, готовый перебраться через забор.

И тут удача отвернулась от него. Одна нога еще оставалась на ящике, когда жирный слизень выполз из надежного укрытия в виде отверстия от сучка, взобрался на ботинок и пополз по ноге брезгливого Цили. Почувствовав прикосновения холодной субстанции, он машинально поднял ногу, пытаясь сбросить с себя мерзкую тварь. Нога соскользнула, руки дрогнули, и тело Цили мягко опустилось на зубья частокола. Когда два острия вошли в плоть, он услышал чавкающий звук, затем бульканье и только потом ощутил боль.

– Что это? – вслух произнес Цилия. – Что за ерунда?

Он опустил вниз глаза и увидел собственный живот, плотно насаженный сразу на два кола. Диаметр кольев разнился между собой, но и меньший из них достигал размера упитанного огурца. Зрелище, открывшееся взгляду Цили, вызвало у того омерзение. Он с трудом подавил тошноту, понимая, что, стоит начаться рвоте, ему конец. Всему конец. Чтобы сохранить остатки самообладания, Цилия перевел взгляд на соседние кусты и тут услышал за спиной грубую брань:

– Дерьмо! Чертово дьявольское дерьмо! Какого хрена ты натворил, паршивый ублюдок?!

Цилия совсем забыл про преследователя. Как ни странно, голос живого человека, пусть и такого омерзительного, как бывший лидер, пробудило в нем надежду на спасение.

– Эй, ты здесь? Слушай, помоги мне, Христом Богом молю! Вызови меня отсюда, – приниженно запричитал он. – Самому мне не справиться, ты же видишь.

– Как я тебе помогу, урод? – Голос звучал озлобленно. – Какого рожна ты полез на этот долбаный ящик?

– Так это, перепрыгнуть хотел... – Объяснение звучало глупо. – Без подставки высоко.

– Вот и виси теперь здесь, придурок.

– Не уходи, Аластар! – испуганно взвизгнул Цилия. Живот от крика напрягся, и по кольям заструилась кровь. – Только не бросай меня здесь одного!

Кличку, придуманную для себя лидером, члены банды употребляли только в крайних случаях. Ирландское имя Аластар было выбрано не случайно, в переводе оно означало «защитник человечества», но звучало слишком пафосно и длинно, поэтому чаще лидера называли Стар, убирая первую часть. Получалось звучно и тоже символично. Звезда, то, что светит в темноте. Холодная и недосыгаемая. Цилия намеренно употребил полную форму клички, пытаясь подмаслить лидера.

– На хрен ты мне сдался. Все равно сдохнешь, не через минуту, так через час. Истечешь кровью и подохнешь. – Уловка Цили не сработала, не вызвав никакой реакции со стороны лидера.

– Я не хочу умирать! Не хочу умирать. – В голосе Цили зазвенела паника. – Послушай, помоги мне. Не за так, я тебе заплачу. Тебе ведь известно: у моего отца денег – что грязи, позвони ему, он заплатит столько, сколько скажешь. Только помоги!

– Твой отец скупердяй, и ты это знаешь не хуже меня. Он за твою продажную душонку копейки не выложит. – Аластар сплюнул на траву, вид крови Цили почему-то вызывал дурноту. То, как он висел с пропоротым животом и при этом вел чуть ли не светскую беседу, казалось чем-то нереальным.

– Нет, нет, он отдаст. Как услышит, что речь идет о жизни и смерти, так сразу раскошется. Я ведь его единственный наследник, – настаивал Цилия.

– Не нужен ему наследник, тем более такой, как ты. И вообще, чего ради я тут с тобой болтаю. Ты все испортил, паршивый говнюк! Все испортил! Это я должен был тебя убить. Я! Теперь ты мне не интересен, это ты понимаешь?

– Так спаси меня, а потом убьешь, – совсем уж нелогично предложил Цилия.

– Как ты вообще все еще жив? Ты похож на гуся, наколотого на вертел. Сдыхай скорее, мне с тобой вошкаться некогда.

Циля не ответил. Аластар насторожился – булькающий звук, выходящий из легких Циля, стал глуше. «Сдыхает», – пронеслось в голове Аластара. Он обошел куст, выломал соседние колья, пролез в образовавшийся зазор и остановился прямо напротив лица Циля. Взор Циля затуманился, лицо приобрело сероватый оттенок, губы начали синеть. «Все, отходит, – понял Аластар. – Интересно, он понимает, что умирает? Каково это – ощущать приближение смерти?»

– Циля, ты как? – неожиданно для самого себя спросил он.

Говорить Циля уже не мог. Отчаянная попытка договориться с Аластаром отняла последние силы. Дышал он теперь через раз, руки словно плети повисли к земле, глаза заволокло предсмертной пеленой, но мозг отчаянно цеплялся за жизнь. Аластар стоял и смотрел, как медленно она утекает из тела бывшего товарища. Мышцы расслабились, и по ногам Циля потекла жидкость. «Обмочился, – как-то отстраненно подумал Аластар. – Теперь уже скоро». Он не ошибся. Спустя пару минут Циля вдруг охнул, закрыл глаза и испустил последний вздох.

– Отмучился, – вслух произнес Аластар. – Все, нет больше Циля.

– Что ты с ним сделал?

Вопрос прозвучал как выстрел. Вздвогнув всем телом, Аластар отвел взгляд от тела. Метрах в десяти стоял Умет. Его фигура грозной машиной выделялась на фоне восходящего солнца. Внушительные бицепсы, обтянутые несвежей водолазкой черного цвета, вызывали опасение даже у Аластара, физические способности которого оставляли желать лучшего. Лицо Умета почернело от гнева, желваки на скулах ходили ходуном. «Не вздумай молчать, – сам себе приказал Аластар. – Почувствует слабинку, и делу конец».

– За базаром следи. – Голос его приобрел стальные нотки. – И взгляд утихомирь, пока есть возможность.

Слова Аластара действовали на Умета как ушат холодной воды: взгляд присмирел, подбородок опустился, бицепсы расслабились.

– Так-то лучше. А теперь сопли подобрал – и в дом. Живо!

– А он?

– Не твоя забота. Я сказал – в дом! – Аластар понял, что больше Умет ему не угроза, и осмелел окончательно. – Завтрак приготовь, жрать охота.

Думать о еде было противно, но это давало возможность показать Умету свое безразличие к судьбе Циля. Умет повернулся и поплелся в дом. Аластар проводил его взглядом, затем снова взглянул на обвисшее тело Циля. «Что с ним делать? Оставлять здесь нельзя. Зеваки заметят, а нам это совсем не на руку». Но и снимать тело с кольев он не собирался. Купаться в крови бывшего товарища совсем не хотелось. Подумав пару минут, он принял единственно возможное решение: Цилю придется перенести в сарай, не снимая с кольев. Подрубить колья легко, протащить мертвое тело двадцать метров тоже труда не составит, а там завалить хламом, и дело с концом. «Паршивой собаке и могила паршивая», – губы растянулись в злорадной ухмылке. Аластар сплюнул на землю и пошел в дом.

Умет сидел на топчане, уперев локти в колени и обхватив голову ладонями. Аластар остановился на пороге, некоторое время стоял там, оглядывая скорбящую фигуру, затем осуждающе покачал головой и прошел в угол, где совсем недавно спал Циля. Лежанка покойника интересовала его с практической точки зрения. Запасливый Циля держал там свой рюкзак, в котором всегда можно было найти съестное. Аластар поднял рюкзак, расстегнул молнию, пошарил внутри рукой, изучая содержимое. Ухватил банку консервов, вытащил наружу и вслух прочитал надпись на этикетке:

– Шпроты в масле. Неплохо.

Он выложил банку на пыльный стол, чудом уцелевший в заброшенном доме. Вслед за шпротами на стол легли пачка печенья, пакет с сухарями и початая упаковка сосисок. Из напитков нашлась бутылка минеральной воды.

– Что ж, завтрак готов. Умет, подгребай к столу, помянем друга.

Умет не шелохнулся. Аластар шумно вздохнул, бросил рюкзак Цили в угол и подошел к нему. Пару минут стоял, засунув руки в карманы и перекатываясь с носка на пятку, затем резко выдернул правую руку из кармана, сжал ладонь в кулак и с размаху опустил его на голову Умета. Локти Умета слетели с колен, в шее что-то звонко хрустнуло, голова дернулась вниз. Он вскочил, сжал кулаки, Аластар не шелохнулся. Злым взглядом смотрел прямо в глаза Умета и не двигался. Тот стушевался, разжал кулаки, снова опустил на топчан.

– Пришел в себя? – спокойно спросил Аластар.

– Да, – коротко бросил Умет.

– Тогда пошли жрать.

Аластар развернулся на сто восемьдесят градусов, намеренно подставляя Умету спину. Он знал, что тот не посмеет его ударить, не посмеет напасть. В этой схватке Аластар одержал верх. Впрочем, как всегда. Они молча сели за стол, Аластар вытащил перочинный нож, вскрыл банку шпрот, толкнул ее в сторону Умета. Тот поймал, выловил шпротину, отправил в рот, начал медленно пережевывать. Завтрак длился минут десять. После того как еда закончилась, Аластар сгреб мусор в сторону и заставил Умета поднять на него глаза.

– Слушай сюда, – начал он. – Цили погиб по собственной глупости и трусости. Как думаешь, по какой причине он оказался ранним утром на заднем дворе? Зачем влез на долбаный ящик?

Умет не ответил, но и взгляд не отвел. Аластар с минуту ждал, затем продолжил:

– Наш приятель сдулся, и ты это знаешь. Последнее дело он запорол, подставил нас по полной программе, а после решил сбежать. Вот зачем он пошел на задний двор, вот почему оказался наколотым на колья забора. – Он говорил так убедительно, что сам почти верил своим словам. – В какой-то степени это даже лучше, нам меньше проблем. Но оставлять его там, на кольях, нельзя. Придется перетащить его в сарай.

– Похоронить бы надо, – неуверенно предложил Умет.

– Хоронить? Его? Ты в своем уме? – Голос Аластара взвился вверх. – Он нас подставил, хотел бросить, а может, и сдать, а ты его за это похоронить хочешь? Забудь!

– Все-таки столько лет он с нами...

– Я сказал, забудь! Поднимайся, время поджигает.

Умет послушно встал, заковылял вслед за Аластаром. Во дворе нашли проржавевший колун, Аластар жестом велел Умету взять его с собой. Молча прошли к забору. Под телом Цили успела натечь лужа крови.

– Черт, огромная какая, – чертыхнулся Аластар. – Попробуй теперь подобраться, чтобы не вывозиться.

– Отойди, я сам, – глухо произнес Умет.

Он отстранил Аластара в сторону, зашел с левого края, примерился и, стараясь не смотреть на тело, ударил колуном по ближайшему колу. Тот завибрировал, но удару не поддался.

– Бей по второму, – посоветовал Аластар. – Сперва ослабь оба, потом руби одним махом, иначе его перекосит.

Умет ударил по второму колу. Тот оказался не таким крепким и надломился после первого же удара. Тело Цили повело в сторону. Умет быстро сориентировался и нанес еще один удар. Второй кол треснул и начал заваливаться в сторону Умета.

– Отойди, дурень, сейчас он тебя накроет! – успел крикнуть Аластар, прежде чем Цили всем весом рухнул на Умета.

Умет качнулся в сторону, выставил руки вперед и принял тело Цили. Осторожно опустил его на землю, перекрестился. Аластар удивленно округлил глаза, но от комментариев отказался.

– Взяли, что ли? – ухватил Цилю за плечи Умет.

Аластар пристроился возле ног, поднял тело за лодыжки, и процессия медленно двинулась к сараям. Колья цеплялись за кусты, препятствуя продвижению, приходилось то и дело останавливаться, чтобы перебросить концы через кустарник. И все же спустя двадцать минут они занесли тело в сарай. Как и предполагал Аластар, хлама там было достаточно, чтобы замаскировать труп, хотя бы на первое время. Уложив Цилю в дальнем углу, принялись за работу. Сгнившие доски, диванные подушки, какие-то этажерки – все пошло в ход. Вскоре о том, что под кучей хлама покоится человеческое тело, уже ничто не напоминало.

Аластар отряхнул руки, бросил последний взгляд в угол сарая, оценивая качество проделанной работы, и молча вышел на воздух. Умет какое-то время оставался в сарае. «Молится он там, что ли? – неприятно царапнула мозг Аластара мысль. Думать о том, что в Умете вдруг проснулись добрые чувства, не хотелось. Он рассчитывал еще какое-то время попользоваться Уметом, а всплеск эмоций, человеческих эмоций, мог все усложнить. – Не хватало еще с угрызениями совести разбираться. Мало мне забот. Мерзавец Циля и так нам проблем прибавил, если еще и Умет в монахи заделается, вообще кранты группе».

Наконец тот вышел из сарая. Аластаре показалось, что глаза Умета подозрительно покраснели, но сказать об этом он не решился. «Не сейчас. Сперва нужно убраться подальше от этого проклятого места, потом можно будет подумать, что со всем этим дерьмом делать». Денег у них осталось совсем мало, на билеты даже до ближайшего населенного пункта не хватит, а Умет умел водить машину. Аластар планировал найти какую-то машинешку в деревне и на ней добраться до города. Проселочными дорогами можно рискнуть, расстояние невелико, каких-то сорок-пятьдесят километров. Бросить машину на въезде, а там на перекладных.

Свой план он выдал Умету, как только они вернулись в дом. Тот возражать не стал. Надо угнать машину – значит, угоним. Пожитки собрали, рюкзак Циля обшманили, вытащили из потайного кармашка когда-то заначенный «косарь», остальное оставили. Прихватили свои рюкзаки и ушли из дома, не оглядываясь.

Деревня, в которой они остановились, насчитывала десятка два домов. Все они располагались на одной улице и отстояли друг от друга на довольно приличном расстоянии. По самой деревне не пошли, свернули на зады, пошли вдоль лесополосы, приглядываясь к строениям, прикидывая, в каком из домов может оказаться транспорт, пригодный для перемещения.

Повезло им тогда, когда надежда разжиться автомобилем почти растаяла. Предпоследний дом стоял чуть в стороне, не на центральной улице, но выглядел добротно. Через решетчатый забор проглядывал корпус легковушки. Издалека понять, что за автомобиль и на ходу ли он, было невозможно. Пришлось подобраться поближе. И тут новая удача: собаки во дворе не оказались. Впрочем, как и хозяев.

Умет не спеша перелез через забор, дошел до машины. Стальной корпус, окрашенный грязно-горчичной краской, принадлежал подержанному «москвичонку». Не нового поколения, но и не совсем древний, выпущенный на заре восьмидесятых. Умет вдавил кнопку багажника, тот с легкостью открылся. В багажнике стояла бензиновая канистра.

– Судя по весу, полная, – приподняв ее, сообщил он. – В деревнях люди запасливые.

Открутив крышку бензобака, вставил найденную там же, в багажнике, воронку, начал осторожно переливать жидкость из одной емкости в другую. Воронка почти тут же заполнилась бензином.

– Ого, бак почти полный, да еще канистра. Километров на семьсот хватит. – Умет убрал канистру, вернул крышку бензобака на место и переместился к водительской дверце. Пока он проделывал все эти манипуляции, из дома во двор так никто и не вышел. Аластар не сводил глаз с двери и окон дома, и все же какого бы то ни было движения не заметил.

– Не гони, – будто прочитал его мысли Умет. – В доме никого нет. Видно, хозяин совсем тупой, раз оставляет машину без присмотра с полным баком и открытой дверью.

– Завести сможешь? – спросил Аластар.

– Обижаешь, – фыркнул Умет. – Я любой движок за полторы минуты разбужу. Но здесь моих талантов не потребуется. У такого лоха и ключи найдутся.

И действительно, в бардачке «Москвича» лежала связка ключей. Аластар нырнул в салон, заняв переднее сиденье пассажира. Умет вставил ключ в замок зажигания, повернул. Движок тихим жужжанием оповестил о том, что машина готова ехать.

– Ворота открой, – бросив взгляд на Аластара, произнес Умет. – Не таранить же их.

Требование звучало резонно, поэтому Аластару пришлось подчиниться. Он вылез из салона, бегом добежал до деревянных ворот, открыл сперва одну, затем вторую воротину и так же бегом вернулся в машину. Через двадцать минут они выехали на оживленную трассу и взяли курс на ближайший город.

Глава 7

У булочной возле городского морга, куда выездной бригадой был доставлен труп Олега Скачкова, собралась толпа зевак. С минуты на минуту должны были вынести тело покойного, и все желающие проститься сгорали от нетерпения. Следов скорби на лицах видно не было, следов слез и подавно. Здесь собрались не скорбящие родственники, а зеваки-обыватели, которые наслушались таких же, как они, зевак и ожидали увидеть зрелище из ряда вон выходящее. По толпе гулял шепоток, говорили вполголоса, но все об одном и том же: сумели ли люди в морге привести тело в божеский вид или Скачкова так искромсанного в гроб и уложили. Почему-то всем казалось, что лицо покойника должно быть вдоль и поперек заштопано черными нитками, которые патологоанатом, или кто там этим в морге занимается, не потрудились даже замаскировать.

Стас Крячко неспешно прогуливался в толпе, прислушиваясь к разговорам. Пока ничего интересного вычленить не удавалось, но он не терял надежды. Здесь, на похоронах Скачкова, он оказался по собственной инициативе. После того как они с Гуровым опросили жильцов домов, прилежащих к скверу Почивалова, Крячко в голову пришла мысль: что, если члены банды захотят полюбоваться на дела рук своих и придут на похороны? Идея появилась не на пустом месте. В убийстве Скачкова оказалось много нюансов, отличающих это преступление от совершенных ранее. Незначительные на первый взгляд нюансы эти, собранные воедино, давали возможность предположить, что в деятельности банды наступил некий переломный момент. Такой момент, когда преступник теряет осторожность и начинает совершать ошибки.

Первое, что обращало на себя внимание, – выбор места преступления. Раньше убийства совершались там, где членам банды никто не мог помешать: заброшенные дома, старые причалы, кладбищенская территория и им подобные места. Как предполагал Гуров, члены банды выбирали себе жертву, «пасли» ее до укромного места, а затем приступали к расправе. Здесь же преступники не пожелали ждать. Да, уголок в парке находился в некоем отдалении от центральной аллеи, но это все же было людное место, к тому же в непосредственной близости от объектов, наверняка имеющих и камеры видеонаблюдения, и охрану.

Второе, на что стоило обратить внимание, – характер ран. Да, как и прежде, на теле жертвы насчитали шестьдесят четыре удара, и действовали, согласно отчету эксперта, минимум три человека. И все же различие было. Если раньше количество однотипных ударов всегда было примерно одинаковым, то есть один преступник совершал в среднем двадцать два – двадцать три удара, то на этот раз подавляющее количество ран нанес один человек. Больше тридцати пяти, как сказал патологоанатом. Почему? Гуров предположил, что кто-то из членов банды запаниковал и своей части работы не выполнил, вследствие чего кому-то пришлось доделывать работу за него.

Третье – это раны на лице. Раньше лицо жертвы преступники оставляли нетронутым. На этот раз порядка десяти глубоких ран и поверхностных порезов обезобразили лицо убитого до неузнаваемости. Зачем преступники сделали это? На этот вопрос ответа пока не было.

Еще один нюанс – пальцы гитариста они отрезали, но два из них нашли в соседних кустах. Случайно ли они там оказались или намеренно, понять было сложно, но такое количество ляпов со стороны преступников, которым много лет удавалось оставаться не просто не пойманными, а даже не идентифицированными, напрягало. Опять же ситуация с камерами и записью на пленке. Зачем они полезли под камеру? Ведь должны были догадаться. На воротах висит знак размером с печатный лист, из которого явствует, что на территории сквера ведется видеонаблюдение. Несмотря на это, парни прошли под самой камерой. Зачем?

Пока обмозговывали детали, Крячко высказал предположение, что преступники, все или только некоторые члены банды, хотят, чтобы их остановили. Только так можно объяснить эти нестыковки. А раз они хотят, чтобы их остановили, то могут появиться и на похоронах.

Гуров настаивал на том, что из города банда «Беспалых» убралась сразу после убийства. Одно дело – играть с огнем, пока готовишь преступление, и совсем другое – подставлять себя под удар, оставаясь там, где ты столько наследил. Их главарь, кем бы он ни был, далеко не глуп. Так бездарно он свою своеобразную карьеру не закончит. Уж если ему приспичит «запалиться», то сделает он это эффектно. Не так глупо, как попасться на похоронах жертвы. Нет, не так.

Тем не менее идею Крячко посетить похороны Скачкова Гуров поддержал. Почему нет? Результаты от Жаворонкова еще не пришли, текущих дел нет, а сидеть перед монитором компьютера и раз за разом просматривать сто раз виденные материалы по убийствам, совершенным бандой, еще более пустая трата времени, чем поход на похороны. Сам он с Крячко не пошел, сославшись на то, что хочет воспользоваться паузой и более подробно ознакомиться с деятельностью Андрея Орехова как представителя аппарата президента.

Чем ближе подходило время выноса тела, назначенное на полдень, тем сильнее гудела толпа. Престарелая прабабка, единственная родственница умершего, сидела на скамеечке, окруженная такими же древними бабками. Возраст ее не пощадил, остатки разума бабуля оставила где-то на рубеже восьмидесяти лет. Вряд ли она вообще осознавала, для чего ее притащили сюда надоедливые соседки. Она сидела, откинувшись на спинку скамьи, подставив лицо солнцу, и блаженно улыбалась. Старушки вели оживленную беседу, почти не обращая внимания на сомлевающую родственницу покойного. Крячко переместился ближе к группе, чтобы стало слышно, о чем старушки так бойко беседуют.

– Говорю тебе, Валька это рук дело, – яростно жестикулируя, твердила сухопарая старуха, возвышающаяся над своими ровесницами на добрых полметра. – Он это, больше некому.

– А при чем здесь Валек? – возражала ей желчного вида бабуся в модном пиджаке и в широкополой шляпе. – Он кто? Простой алкаш, безобидный и безвредный, а ты его в душегубы записывать. Злая ты, Наталья. Злая и нечестная.

– Это чем я тебе злая? – взвилась сухопарая старуха. – Забыла, как в шестьдесят третьем я твоего убогого муженька от тюрьмы спасала? Тогда небось добрая была. А теперь, выходит, озлилась? Короткая у тебя память, Алевтина.

– Кто тебя просил ирода этого защищать? Кто, скажи на милость? Он мне, ирод этот, всю кровь попортил. Думала, за решетку попадет, хоть отдохну от него, а ты влезла, – разбушевалась Алевтина. – Добренькая она, вишь ли. Девоньки, вы эту ее доброту видели? Она и на Валька поклеп наводит только потому, что злобу на него затаила.

– Вот это поворот! И чего это мне на него злобу таить? Я с ним детей не крестила.

– Да то и таить, что собиралась. Внучке твоей, худосочной Тамарке, он от ворот повороты выписал, вот ты и озлилась. Она ведь у тебя до сих пор в девках сидит. Почитай, третий десяток уж ей.

– А ну, хватит собачиться. – Голос строгой учительницы принадлежал тихой с виду бабуле в черном платке, как подобало случаю, и в черной же вязаной кофте. – Нашли место. Совсем стыд потеряли! Смотрите, Катерина глаза вылупила. Сейчас подумает, что про нее речь идет, опять рыдать примется.

Катериной оказалась престарелая родственница Олега Скачкова. Она и правда открыла глаза и как-то сразу заволновалась:

– Девоньки, где это мы? А народ чего толпится? Праздник, что ль, какой?

– Праздник, Катерина, праздник, – тихо, чтобы услышали все, кроме Катерины, проворчала сухопарая Наталья. – Внучок твой, придурок, представился наконец.

Тихая бабуля, похожая на учительницу, так взглянула на Наталью, что у той моментально пропало желание вступать в разговор. Катерине же она сказала, участливо поглаживая старушку по голове:

– Праздника нет, родная. Это люди пришли с внучком твоим проститься. Умер он, помнишь?

– Умер? Внучок мой? Помню. Следовательно приходил, сказал, порезали его. Значит, совсем разрезали? Насмерть?

– Совсем разрезали, – подтвердила тихая бабуля. – Ты не волнуйся, похоронят его. Мы в администрацию всем миром ходили, выбили для твоего внучка похороны людские. В отдельной могиле лежать будет, как человек.

– А стол накроют? Поминать положено, – обеспокоилась Катерина. – Мне самой уж не справиться.

– Будет и стол поминальный. На кладбище. Пироги привезут и компот. Раечка, соседка твоя, с детсадом договорилась, тамошние повара все приготовили.

– Раечка? Это Валька бабка? – спросила Катерина и, не дожидаясь ответа, запричитала: – Конечно, Раечка озаботилась. Внучок ейный мою кровиночку насмерть разрезал, так она и старается. Только пирогами разве такой грех покроешь? Покроешь, я тебя спрашиваю?

– Кто тебе такую глупость внушил? – проговорила бабуля, а сама снова бросила сердитый взгляд на Наталью. – Никого Валек не резал. Чужие это, пришлые. Полиция разберется, будь уверена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.